

Александр Никифоров

Был случай- 2

12+

Александр Евгеньевич Никифоров
Вот был слуЧай 2.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63746956
SelfPub; 2021*

Аннотация

Сборник рассказов о жизни. Веселой и не очень. Но всегда единственной и неповторимой.

Александр Никифоров

Вот был слуЧай 2.

Сборник рассказов

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

– Ага. Вон и Соколова летит. Опоздала, милочка, отдали большого Ильича третьему цеху...

Разговор перед началом демонстрации. Ноябрь, СССР

– Праздник сегодня. Никто и не вспомнит...

Разговор в очереди за пенсией. Ноябрь, Россия.

Отрывные календари и сейчас встречаются в продаже. На них не надо ничего отмечать, с ними все просто, оторвал листок, сутки прочь, встречай следующие.

Календари на год, и покупали их, перед Новым годом. Плотные бруски из тонких листочков папиросной бумаги, скрепленных сверху железной широкой скобой, прошитые двумя длинными стальными скрепками. Для того чтобы на стене закрепить, продавалась отдельно тонкая картонка, с двумя прорезями, куда вставлялись и загибались «язычки» от железной скобы. Просунешь, эти полоски в прорези, загнешь, и все новое исчисление дней готово.

На картонке картинка, которую, конечно, каждый выбирал себе по вкусу, хотя выбор был весьма ограничен. Только «С днем Победы, с Новым годом! с Первомаем!» или с другим каким праздником. Но чаще всего, продавались эти картонные приложениями к календарю, напоминанием о времени, эпохе, стране, в которой живешь.

Всечасное время, с плакатами завал. Новое время, новая страна, новые названия. Названия все больше с Запада пришедшие. Плакаты, теперь называются баннеры, билборды, брендмауэры. Теперь не творческая мысль, теперь креатив. Теперь напишут, а дальше сам додумывай. Висит такой плакат, слова на нем «Мы едины, мы страна!». Со сранья, наверное, придумали, а как иначе? Дошло до кого – то, что мы страна. Жил вот так человек жил, и вдруг понял, страна мы. И от того едины, что страна. Больше признаков единения нет. Креатив, одним словом. А могли бы в прошлое заглянуть, посмотреть, что писали раньше, когда плакаты, еще плакатами были. Прежде чем на плакатах писать, поучиться надо было, перенять опыт, у тех прежних, чуть не сказал пиарщиков, нет, нет, авторов наглядной агитации. Они, то конкретно писали, кто с кем един, и кого мы скоро съедим.

«Народ и партия едины, коммунизм – могильщик империализма», как звучало, а? Песня. А сейчас ну что это – мы едины! И никакой конкретики, с кем, когда, в какое время? Ночью или днем? Перед выборами или на постоянной основе? С каким регионом? С Питером или Москвой? С Пите-

ром проще, с Москвой накладней, прожорливая очень.

На обратной стороне каждого календарного листочка, мелким шрифтом текст. Или советы житейские, или по поводу событий там разных, или опять, кто мы такие, откуда взялись, и куда, и с какой целью премся. А кроме этого, еще и стишки детские попадают, чтоб значить детишкам вечером, на сон почитать, да и себе нервы успокоить.

Продумано все. Оторвал листок от своих собратьев, перевернул, прочитал. С прошедшим днем узнал чего-то новое, или старое вспомнил. Но, согласитесь, сколько пользы приносили отрывные календари, худея на наших стенках с каждым днем. А как радовали, даты, отпечатанные красной краской, как будто посреди дороги из серых будничных листов, загорался сигнал «Стой!».

Остановись! Отдохни от серых будней! Праздник, же, отмечай, как положено. А утром отрывая листок, еще подрагивавшими от праздника руками, прочтешь, откуда же все-таки взялась эта дата, и почему ты обязан ее отметить.

Встанешь так утром, после выходного, праздника женского дня, например, который международный. А на работу ведь надо. Сначала сожалеешь о том, чего это женщины, всего один день за свои права борются? Неплохо бы было эту борьбу на два – три дня растянуть. А потом посмотришь на жену, уже собравшуюся на работу, и понимаешь, что только одни мужики и отстаивают права женщин.

Вспомнишь, крепким словом Клару Цеткин, о которой на

оборотной стороне листка, мелким почерком, хлопнешь стакан воды и на работу.

Или вот седьмое ноября – день великой октябрьской революции! Праздник был куда там.

Главное в нем, это то, что народу массовое гуляние устраивали. Демонстрацией называется.

Вот, что сейчас в этот день?

2

Пробегут по площади, десять суворовцев, одетых в форму второй Мировой. Танк прорычит, штурмовик пролетит. А массовость где? Где настроение на праздник? Где намек на предстоящий размах души? В тогдашние – то времена, чтоб душу эту распахнуть, наши люди советские, на праздник этот с утра толпами, группами, к месту сбора колонн формирующихся для демонстрации, спешили. А как же не спешить? Опоздал? На заметку – не сознательный. Не пришел? Прогул – политически не подкованный. Прибыл? Отметься, и получи, транспарант, который в колонне будешь нести. Тут тоже есть свои, как говориться, камни подводные. Если портрет, кого из ЦК, всучат, пиши, пропало. Раньше с колонны не уйдешь, такой реквизит сдавать надо. А вот если флажок дадут, или растяжку с надписью, «Миру-мир» или «Нет войне», считай, выиграл в лотерею. С тряпкой – то чего, с палки сдернул, свернул и за пазуху, после выходных вернешь. Получил? В колонну своего предприятия, треста, школы или еще чего, встал. Теперь надо мимо трибун прой-

ти. Трибуны эти в каждом городе, на центральной улице стояли. Вместительные такие трибуны, крепкие. Руководители не худенькие, с них народу мимо проходящему, ручками махали, с праздником поздравляли.

В те времена все на одной трибуне умещались, а если сейчас, если попробовать, так ни какая трибуна не выдержит, сколько их развелось, руководителей.

Идем, значит. Стройными колоннами к трибуне. А ведь во главе каждой колонны свои руководители идут. Директор, начальники цехов. Идут, прислушиваются. А как же? Их оценивать потом будут, как на строевом смотре. Как приветствие коллектив прокричал, как колонна прошла. Какой процент радостных улыбок, гордящихся своей страной, партией и правительством на общем фоне коллектива?

А народ весь радостный. Красный день календаря, выходной. Да и хрен с ней с этой революцией.

Вот бомбу атомную сделали, а она покруче, революций будет. Подумаешь, в 17 году, Вовка картавый из кордона вернулся с подельниками своими. Понять его можно, надоело ему, сердечному, больше десяти лет по заграницам – то жить. Ностальгия замучила.

А что война потом, так и чего? Не заграничных же друзей мочить, а своих расейских, а этих чем меньше останется, так это только плюс, в деле революции...

С шести утра в нашем районном городе, народ, оглушают

революционными песнями, репродукторы. В первых, чтоб народ разбудить, а во – вторых, чтоб о празднике напомнить.

Под самую революционную, ту, где «ветры яростных атак тревожат сердце. Бой продолжается, и Ленин снова помолодел» шагает народ к месту сбора колонн. Город весь в кумаче, все электрические столбы на центральной улице обернуты ими, как индианки в сари.

Между ними растяжки красные натянуты. А на них белыми буквами прописано все, что должно вселять в нас веру в незыблемые идеалы светлого завтра. Тут и партия в рулевых присутствует, и коммунизм, который вот- вот победит, и конечно мир, которому тоже мир...

– Ага, вот и Соколова летит, – проговорила стоящая, рядом со мной в очереди за транспарантами

крановщица Нинка, – опоздала, милочка. Отдали уже ее Ильича в третий цех.

– Прячься, Михалыч, – посоветовал нашему мастеру, Витька – токарь, – счас полетят клочки по закоулочкам. Как же ты лопухнулся – то так. Три года баба Брежнева носила, штатным, можно сказать «ликоносцем» стала, а тут облом такой. И это на самое, что ни есть, шестидесятилетие нашей славной революции.

– А я, то при чем, – забегал глазами Михалыч, – мне начальник цеха приказал передать, я передал. В третьем цеху Славка фрезеровщик, орден получил, вот ему и оказали почет, нести портрет генсека.

– Не повезло Славке. Помнишь в прошлом году, ветер налетел, Ильича из рук Соколовой вырвал, до берега за ним бежала пока не поймала, – напомнил мастеру про прошлогодний случай с портретом Витька – токарь.

– Славку – то не сорвет, он же с орденом, тот его к земле давит, – вклинился я в разговор,

– А тебе бы промолчать, – урезонил меня Михалыч, – вечно ты со своим языком. Из-за него до сих пор, с четвертым разрядом и ходишь. Который год, пересдать не можешь, – а Славка теперь далеко пойдет, как говориться, стоит начать.

– Это да, – согласился я, – хороший фрезеровщик был. Теперь как его с орденом к станку ставить?

3

На спецовке его носить не будешь, не положено. Ждет теперь Славку костюм с галстуком, да выступления про трудовую доблесть. А что, касаясь меня так я, по специальности, на все вопросы отвечаю, – не согласился я, – в политике только путаюсь. У меня с резьбой не в порядке, левша я от рождения.

– Резьба-то здесь при чем? – не понял мастер.

– Так левую резьбу, с правой путаю, – пояснил я, – в какую сторону гайки закручивать или откручивать, понять не могу. По болту так вроде в левую, а если, следуя указаниям, то оказывается вправо надо крутить. Когда еще сказано» Наше дело правое, победа будет за нами».

– Докрутишься, – пообещал мастер, – у вас бригада ком-

мунистического труда, четыре члена партии, три кандидата, ты один всю картину портишь.

– Погоди, Михалыч, как три, было же два? – поинтересовался я, количеством «мандатных» кандидатов.

– А вот Виктор, накануне юбилея, был принят кандидатом в члены партии, – кивнул мастер, на приятеля моего, Витьку – токаря.

– Ну, этот член, всем членам член, полный можно сказать, многочлен, – вдруг пришло мне на ум, определение с алгебры, определение которого я так и не освоил, – этот резьбу не спутает, этот только в нужную сторону будет крутить.

– Вот чего опять мурмолишь, – покачал мастер головой, – как Семенов, загреметь хочешь?

– А чего я сказал? – скорчил я непонимающую гримасу, – токарь же, он резьбы не путает. В какую сторону станок крутит, в ту и нарезает.

Только Семенов, теперь уже бывший член нашей бригады, два года назад на такой же демонстрации, пострадал от обиды, которую нанес ему, бригадир из третьего цеха, недовольный тем, что мало портретов членов ЦК, досталось их цеху.

– Нет, ну посмотрите, кому доверили товарища Сулова нести, – показал он своим членам бригады, на Тольку с портретом члена ЦК в руках, – как он выглядит. Ни дать, ни взять чучело. Одно чучело стоит, второе чучело в руках держит.

– Я вот тебя сейчас, как причащу этим чучелом, – замахнулся на него Семенов, не стерпев обиды, – и начнешь в кар-

тонном воротнике ходить с глазами на затылке.

Тут сразу, конечно, компетентные органы, вмешались. Благо их вокруг нас, ничуть не меньше чем нас. Бригадиру – три года дали. За то, что первый начал, членов политбюро оскорблять. Семенову – два года. За неправильную реакцию на оскорбление членов ЦК.

– Михалыч, где мой портрет? – подлетела, еле дыша, Анька Соколова.

Нести большой, где – то полтора на полтора метра портрет генсека, всегда считалось привилегией избранных, передовиков производства, активных помощников партторгов, ударников труда, отмеченных к очередной дате.

– Отдали любимчика твоего, – ответила за молчавшего мастера Нинка, – Славке орденосцу отдали. В этом году не заслужила ты, подруга. Наград у тебя нет, мужик вон, твой, два раза в вырезатель попал.

– Ой, ой. Чья бы корова мычала, – перешла в наступление Анька, – думаешь, я не знаю, чем ты там, на кране своем занимаешься. Думаешь под потолком, так никто и не видит?

– Ну, ка, ну ка, – двинулась с решительным видом в сторону Аньки, Нинка, – что ты там увидела?

– А что увидела, то и увидела, – спряталась Анька, за спину подошедшего мужа, – ты вот плюешь со своего крана на нас.

– А тебе сейчас без крана в рожу харкну, – взбеленилась Нинка, и, набрав слюны, натурально плюнула в сторону Ань-

ки.

– Ты чего шалава, охренела совсем, – рыкнул, вытирая лицо Сашка, муж Аньки.

– Мало тебе вытрезвителей, так я тебя еще и оскорбление, честной женщины привлеку, – пообещала крановщица Нинка.

– Товарищи, товарищи, – появился, как черт из табакерки, парторг нашего цеха Владлен Октябринович Троцкий, – давайте в праздник, отодвинем наши бытовые проблемы на задний план. Ведь великий день сегодня товарищи! Юбилей революции. События, которое озарило счастьем всю нашу жизнь, и указало светлый путь к коммунизму. побыстрей разбирайте транспаранты, товарищи, и в колонну. Скоро движение начнется.

4

«Весть летит во все концы,

Вы поверьте нам отцы. Будут новые победы. Встанут новые бойцы,

И вновь продолжается бой... – звенит над городом голос Кобзона.

– Со мной понесешь? – пошел ко мне Витька, с двумя палками под мышкой обернутыми кумачом.

– Смотря чего, – ответил я, кивнув на транспарант.

– А я знаю. Михалыч, сунул.

– Ну, давай, – согласился я, прикидывая свернутый на

двух палках кумач, – вроде не тяжелый.

– Легче легкого, – заверил меня Витька, – он мне сначала эмблему цеха хотел всучить. Еле отбрыкался. Там шестеренка одна, килограмм на десять тянет. Я, то знаю, сам ее точил. Соколова с Нинкой согласились тащить. Бабам на тяжесть нас..., им лишь бы впереди покрасоваться.

Мы с Витькой отошли в сторону, и, взяв по древку в руки стали разворачивать, четырехметровую полосу кумача. Развернув, увидели, что на ней, белыми буквами, высотой в полметра, было написано, «Вперед к победе коммунизма».

– Хороший лозунг, качественный, – оценил я творение заводских художников, – и главное, экономный, долгоиграющий. Раз написал и таскай себе на здоровье, пока кумач не истлеет.

– Вот не прав ты, не прав. Построение коммунизма в СССР, является главной задачей и целью всего многонационального народа нашей страны, – как по писанному, скороговоркой, заученным уроком, ответил Витька.

Зная его, не первый год, я осмотрелся, ища причину его высказываний. И нашел. Из – за спины мужа Аньки Соколовой, торчало настороженное ухо Троцкого, которое от усердия подслушивания, даже как – то увеличилось в размерах.

– Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым, – направил я слова песни в сторону уха, – Давай вставай в колонну кандидат, да натягивай покрепче, чтоб все видели, как дружно мы шагаем, вперед к победе коммунизма.

Первая заводская колонна, состоящая из управленцев нашего предприятия, пошла в сторону трибун. За те пять минут, пока наш второй, механический цех, стоял в ожидании движения, Троцкий, как пастушья собака, кружил вокруг нас, ровняя колонну, пересчитывая ряды, поправляя транспаранты в руках демонстрантов, не забывая при этом всасывать ушами все разговоры вокруг.

Растянув над головами нашего ряда плакат, мы с Витькой оказались разделенными шириной колонны, и я оказался соседом, Анькиного мужа, тракториста из ремонтного цеха.

– А чего это ты не со своим цехом? – сразу поинтересовался я, – смотри, запишут в дезертиры? Будешь Аньке, сосульками в Воркуте, радиogramмы отбивать.

– Вот что ты опять городишь? – раздался у нас за спинами голос Михалыча, – договорился я с его бригадиром, что он в нашей колонне пойдет. Завод – то один.

– А я проявляю политическую сознательность, – не поворачивая головы, отвечаю я, – может у меня от Витьки, по плакату этому, политическая убежденность перетекает. Может я тоже в кандидаты захотел. И, уже созрел, чтоб вместо лево, только вправо гайки крутить.

– Собрались, собрались, – впереди колонны нашего цеха, усиленный рупором, прозвучал голос Троцкого, – Внимание! Пошли!

Я чуть задержался на старте, но натянутое Витькой полотнище, чуть не вырвало древко из моих рук, потащило меня

вперед. Ускорив шаг, я выровнялся с соседом и напарником по плакату.

– А меня премии лишили, – пожаловался мне Анькин муж, – вот всем к празднику дали, а мне хренушки.

– Так ты же вроде как в вытрезвителе был? – вспомнил я слова Нинки, – чего тогда ноешь?

– Была бы у тебя, такая вот Анька, как у меня, ты не то, что ныл. Волосья бы все на себе повыдирал.

Справедливости никакой. Мало четвертной за вытрезвон высчитали, так еще и премии лишили.

А женка хотела на эту премию Ильича собрание купить, того, который Владимир, она же в университете марксизма – ленинизма учится. Второй год уже учится, – с гордостью, сказал мне сосед, показав рукой на идущих впереди, согнувшихся под тяжестью эмблемы цеха, двух женщин, ступая, одна из них была его женой.

– Да, девка, она у тебя надо признаться, революционная, – оценил я труд женщин.

5

– Ну а ты, чего отстаешь? – спросил я его, приноравливаясь к размашистому шагу Витьки, который судя по полотнищу, шустро шагал вперед, согласно призыву с плаката, – изучал бы после работы вместе с ней, капитал Карла с Марксом. Детей же у вас нет?

– Нет пока, некогда, – согласился сосед, – вечерами, Анька на учебе, а я это... на работе.

– Ты этой хреню, ей особо не давай увлекаться, – покрутил я, головой, опасаясь, ушей Троцкого. – Ленин с Крупской, в ссылке были, вообще без света сидели, а толку ноль. Ни дочки, ни сыночка.

Побросали все свои силушки, как дровишки в костер мировой революции.

Смотри, чтоб Анька твоя, также не сгорела, она я смотрю у тебя баба азартная. Схватила вон, с Нинкой «шестеренку» и прет, как пушинку.

– Это есть, – согласился сосед.

Он пошарил у себя за лацканом пальто. Вытащив конец прозрачной трубки, от медицинской капельницы, взял его в рот, а ладонью надавил спереди в район живота.

Кадык его, два раза дернулся. Когда он вытащил, изо рта трубку, я уловил запах самогонки.

– Нагрел, теплая, поди? – кивнул я на живот, где у соседа за поясом был резервуар подогрева, – как ты ее такую пьешь? – внутренне содрогаясь, представив, как теплая самогонка течет по моему горлу.

– Холодная, теплая. Какая разница, – не согласился сосед, – не отравя же. Будешь?

Я категорически отрицательно замотал головой, на протянутую мне трубку.

– А зря. Сегодня праздник, «мусора» не берут. Красный день календаря, у нас седьмое ноября, – сказал сосед, аккуратно убирая трубку за лацкан пальто.

Колонна поравнялась с началом галереи портретов членов ЦК, выставленных в канун праздника, значит, до трибуны осталось шагать, ровно столько, насколько протянулась шеренга из шестнадцати портретов, заканчивающаяся вдвое большим по размерам портретом генсека.

Стали четко слышны приветствия, провозглашаемые с трибуны коллективу нашего завода. Раз мимо проходило руководство завода, похвалы звучали в их адрес.

– Директору биохимического завода, за мудрое руководство удостоенному многих государственных наград. Коммунисту, под чьим чутким руководством завод завершил очередную пятилетку за четыре года. Ура, товарищи!

– Ураааа! – глухо раскатилось эхо из наших голосов, над заполненным демонстрантами проспектом.

– Итээровцам завода, которые постоянно работают, над улучшением качества белково-витаминного концентрата, главной продукции завода! Ура!

– Урааа! – откликнулась на призыв колонна завода.

– Так управленцы прошли, – мелькнуло у меня в голове, – первый цех на подходе.

Наш цех медленно плелся мимо портрета Щербицкого, которого я признал в отличие от многих из шестнадцати руководителей, кроме генсека, разумеется.

– Смотри, Щербицкий, – поделился я знаниями с соседом, – главный у хохлов.

– Ты чего и остальных знаешь? – даже как – то с уважени-

ем посмотрел на меня тот, опять засовывая руку под пальто.

– Не всех конечно, так кое-кого, Брежнева, Андропова. Ты погодил бы прикладываться, а то упадешь перед трибуной, – посоветовал я ему.

– Решат, от патриотических чувств упал, переполненный восхищенья и преданности, – отозвался муж, передовой женщины, – тогда все простят и премию вернут в двойном размере. Анька, описается от радости.

– Ага. Еще и орден сутулого, вручат с заверткой на спине, и на марсовом поле, как жертву революции под фанфары зарюют, – пообещал ему я, – бюст в металле отольют, как первой жертве от радости загнувшейся.

– Шире шаг, – прокричал Троицкий.

Стали видны, махающие колоннам ручками, первые лица нашего города и района и уже стоящий на трибуне, и приветливо махающий директор нашего завода.

– Работницам и работникам второго цеха биохимического завода, постоянно перевыполняющим производственный план и досрочно закончившим пятилетку за четыре года. Ура! – прозвучала здравница в нашу честь.

6

– Урааа! – бодро отозвался наш цех.

– Урааа! – громко закричал мой сосед, после всех, не успевший вовремя выдернуть трубку, карманного спирт провода, чтобы поделиться радостью вместе со всеми.

Вокруг засмеялись. На крик мужа, гневно обернулась

Анька, что-то беззвучно прошептал губами.

– Ну, брат, фанфары и аплодисменты по щекам, дома тебе обеспечены, – предупредил Сашку я, – праздник у тебя, похоже, здесь не закончиться.

Между нами появился Троцкий. Разговаривать больше, как – то не хотелось.

Сосед виновато стал смотреть под ноги. Под его неусыпным контролем, мы сразу, как-то внутренне собравшись, лихо, промаршировали мимо трибун...

– Можно спросить Октябринович, – сказал я парторгу, когда трибуны остались позади, – ты бы смог часами махать с трибуны не уставая, как они?

– Коммунисты никогда не сдаются, – ответил он, окинув меня подозрительным взглядом, видно усмотрев в вопросе, какой-то подвох, – помнишь, как у Маяковского – гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей.

– Я теперь понимаю, как мечами в сече, не уставая махали мечами с утра до вечера, – поднял голову сосед, – ведь вот так натренируешься, тогда все нипочем.

– Ты меч-то с ручкой не путай, – не выдержал я, – эти же деятели кроме ее, и в руках – то ничего не держали.

– А вот за критику, руководящих органов, можно и загреть в места отдаленные, – намекнул мне Троцкий, – или думаешь, раз праздник, так можно и болтать, что вздумается.

– Так я же Октябринович, так шутейно, – стал я сдавать назад, – все же свои вокруг, рабочий класс. Ведущая сила

мирового пролетариата, так сказать.

– Вот вызовем в партком, да пропесочим как надо, чтоб осознал, тогда поймешь, – ответил парторг.

– Я же беспартийный, – ответил я, – в местком, в профком еще, куда ни шло, но в партком – то зачем?

– После выходных, сразу ко мне, – отрезал Октябринович, давая понять, что разговор со мной окончен, – ты тоже, – добавил он, посмотрев на Анькиного мужа.

– Так я-то вообще не из вашего цеха, – погладил тот живот под пальто, проверяя место, где спрятана грелка.

– И что из того? – не согласился парторг, – партия она не по цехам, партия она превыше всего. Я сказал, попробуй не приди. В миг, твоему руководству доложу, что это у них за пособник всяким болтунам замаскировался. Понял?

Тот кивнул головой и снова стал смотреть себе под ноги.

– погоди Владлен Октябринович, – обратился я к нему официально, на «вы», – ладно я. Я сказал, я за свои слова готов ответить, а он – то здесь причем?

– Я все сказал, – парторг развернулся и пошел назад в сторону трибуны.

– Черт меня угораздил, рядом с тобой пойти, – с сожалением сказал Анькин муж, засовывая одну руку под пальто, кладя вторую на живот, – не хватало мне еще по партийной линии влипнуть.

– А ты чего коммунист? – удивился я.

– Кандидат уже полгода. Анька заставила, – суя кончик

трубки в рот, ответил тот, – не, не, не, – заходил у него кадык.

– Чего не, – спросил я, – когда он закончил свои процедуры.

– Не может быть беспартийным муж, у убежденного коммуниста, – четко выговорил он, – или говорит, ищи себе другую жену.

– Ни фига себе, – присвистнул я, – да у вас в ячейке, я смотрю, политическая принадлежность, не абы как, а на полном серьезе.

– Не без этого, конечно, – вдохнул муж убежденной активистки, снова засовывая руку под лацкан пальто.

Так за разговорами мы подошли, к месту, где стоял грузовик с открытым задним бортом, куда демонстранты складывали транспаранты до следующей годовщины революции.

Быстро, вместе с Витькой скрутив свой лозунг, мы бросили свернутый на два древка кумач в кузов машины, почти уже наполненный, ненужными до будущего года транспарантами.

7

Избавившись от революционного атрибута, отошли в сторону к стоящему, с порозовевшим лицом после очередной процедуры, внимательно наблюдающим за своей женой стоящей невдалеке с женским коллективом нашего цеха, трактористу.

– Ну чего, мужики, по рублю и в школу не пойдем, – предложил, закуривая Витька, – да и школы закрыты, юбилей, это

не хухры – мухры.

– А куда пойдём? – спросил Анькин муж

– Ко мне можно, – ответил я, – моя на смене, – до вечера спокойно посидим, юбилей отметим, и себя не забудем.

– А чего, дело, – согласился Витька, – можно, конечно и ко мне, жена к теще уехала. Но к тебе ближе, да и «соки – воды» по пути.

– Не, мужики без меня, – с тоской в глазах, сказал Анькин муж, – у меня, сами понимаете, конвоир на хвосте. А она у меня вологодская, так что, не приведи, господи.

– Ну, смотри, хозяин, барин, – сказал ему я, – а то можно и с Анькой.

– Вот это вряд ли, – испуганно ответил ее муж, оглянувшись в сторону женщин.

Мы с Витькой, тоже посмотрели туда. Отделившись от женщин в нашу сторону, решительно шагала Анька.

– Мы, пожалуй, пойдём, – кивнул мне Витька.

– Пойдите ещё чуток, мужики, – как то плаксиво попросил, видно ожидающий расправы муж.

– Ну ладно, – согласился я, на всякий случай, отходя в сторону от него, и уводя за руку, Витьку.

– И чего ты стоишь, – подошла с грозным видом к нам Анька.

– Так толкуем тут с мужиками, – вжался в себя ее муж.

– Ага, о времени и о себе, – напомнил о нас Витька, – красивый день календаря, как ни как.

– Я вижу, что красный, и с каждой минутой все краснее и краснее, – ответила, приблизив свое лицо к лицу мужа, Анька, – ну-ка дыхни, – приказала она.

Тот, скривив рот, дыхнул в сторону.

– Не, ну не зараза ли? – учуяла активистка запах самогонки, – ведь я тебя, гада, перед выходом из дома проверяла. Опять спрятал?

Неожиданно, она, ловко ткнула мужа, в живот, как раз в то место, где по моим предположение скрывалась грелка. У того из – под лацкана пальто, ударила в лицо струя, одарившая ароматом сивухи и нас.

–Ох, ни, – ахнул рядом со мной Витька, не подозревавший об аппарате.

Муж активистки, быстро смахнул с лица капли себе на язык. Проглотив, молча уставился на жену.

– Сюда давай, – протянув руку, грозно приказала Анька.

Тот, суетясь, быстро перебрав пальцами пуговицы пальто, распахнул его, и мы с Витькой увидели, так называемую «лентяйку». Это когда в резиновой пробке грелки просверливается отверстие, ив него вставляется трубка. Затем в грелку наливают, то, что есть, и что можно пить, выдавливают с нее воздух и все, «лентяйка» готова. Не надо никаких стаканов, никаких «наливай», ни оглядывании по сторонам. Сунул т рубку в рот, хлопнул по пузу, порция напитка в желудке. Натренированные руки, хлопают так, что трубка выдает ровно пятьдесят капель, но этому, предшествует долгая

дорога тренировок, и преодоление осязаемого возражения печени.

Анька, вытащив из-под ремня мужа «лентяйку», аккуратно закрутила вокруг нее трубку, и под наши с Витькой осуждающие взгляды, сунула ее в свою сумку.

– Вы куда собрались? – ответила Анька, на наши взгляды.

– Мы домой, а куда еще? – ответил Витька, – вот мужа твоего с тобой хотели пригласить, праздник отметить.

– Обойдется. Я ему сейчас дома устрою праздник. Никуда пойти нельзя, вечно опозорит, Кулибин хренов, – замахнулась она сумкой на мужа.

– Тогда покудова, – за рукав потащил меня в сторону Витька.

– С праздничком, еще раз, – попрощался я с главой семьи, сочувственно подмигнув мужу...

В «Семицветике», это магазин такой, недалеко от моего дома, тоже чувствовалось настроение праздника. В мясной стеклянной витрине, рядом с постоянным «жильцами» ливерной колбасой, холодцом и набором, для изготовления этого же холодца, расположилась нечастая «гостья» колбаса вареная «докторская».

8

А рядом, на чистейшем подносе, лежала, не знаю, с каких высот, соблаго валившая спуститься к нам, на юбилей революции, сыро – копченая «Кремлевская».

В вино-водочной витрине, тоже изменения. Раздвинув,

прописавшихся на полках «долгожителей» плодово – ягодного букета «Золотая осень», «Осенний сад», «Солнцедар». Маня непривычными в отличие от «долгожителей» темноватыми мутного стекла боками, вперед выдвинулась, прибывшая к нам на праздник, уважаемая «Вера Михайловна», вермут, значит.

Рядом стоял совсем редкий, отрада жаждущих, гость магазина, портвейн «Три семерки», или как привычнее, нам «в три топора, рекорд дровосека».

А на «благородной» водочной полке, тоже пополнение. Среди толпы, бутылок зеленого стекла «Коленвалов», водки Русской, интеллигентно блестела прозрачными боками чистая, как слеза божия, водка «Столичная».

– Смотри, даже «Раком к цели» привезли, – обрадованно показал мне Витька, совсем, уж раритет в «Семицветике» бутылку сухого «Ркацители».

– Не отвлекайся, – мы не жажду утолять пришли, а выпить взять, чтоб праздник отметить – напомнил я ему.

– Понял, – ответил Витька, и двинулся к прилавку, перед которым стояла очередь из шести человек.

Пока он стоял, я мял в кармане, последнюю, после складчины с Витькой, оставшуюся в кармане трешку, терзаясь мыслью, – жена ведь тоже человек? Может и ей купить бутылочку этого «Ркацители», или вон «Заблудившегося в горах», портвейна «Кавказ « то есть?

Перед Витькой остался один человек, когда я, вытянув

трешку из кармана, решительно подошел к нему.

– Водки две, по три шестьдесят две, – стал отовариваться мой приятель.

–И «докторской» килограмм, – положил я на прилавок смятую трешку.

– «Докторской» килограмм, – продублировал Витька, продавцу.

Вышли из «Семицветика», над городом опять звучит голос Кобзона.

–«И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди...»

– Хорошо устроился, в твое коромысло, шестьдесят лет революции сегодня, один молодой, второй вообще юный, – прислушался к песни Витька.

– Неожиданно для кандидата, – подколот я...

Пришли ко мне. Сели в большой комнате за столом, напротив телевизора. Налили по первой, телевизор включили. А там парад на Красной площади, людей яблоку негде упасть. И машут им с трибуны, все те, что на портретах были изображены, мимо которых мы шагали...

7 ноября 2019 года.

Проснулся от звонка мобильного. Глянул на номер. Ну, кто же кроме, Витьки.

– С праздником, старина, – раздался голос в трубке, – отмечаешь?

–Да чего-то, никакого желания нет. Праздника нет, понимаешь? Кому помешал этот день революции? Пусть бы со-

бирались люди. Можно подумать мы с тобой, офигенными «революционерами» были?

– Да до «звезды» всем была эта революция, главное праздник был. Красный день календаря, а сейчас даже не выходной. Хотя и днем воинской славы России, назвали. Под парад 41 года подогнули.

– Так парад тот, как раз к годовщине революции и приурочен был. Забыли, что ли, во время настало? – вспомнил я.

– У них память счетами в банках забита. Распутица в стране, о нас не помнят, а уж чего про праздники говорить. Ладно, давай не болей, – пожелал мне здоровья Витька.

– И тебе не хворать, – отключился я.

Включил телевизор. Торжественный марш на красной площади, посвященный военному параду. У микрофона московский мэр, речь толкает. «Пары» с портретов нет, видно, не их уровень. Рабочий день, некогда на «ерунду» размениваться.

Выключил телевизор. Сел на диван, а перед глазами «красный день календаря» улыбающиеся лица, приветливо машущие с экрана руководители страны, и зовущий, проникающий в душу голос бессмертного Кобзона:

«... С неба милостей не жди
Жизнь для правды не щади,
Нам, ребята в этой жизни,
Только с правдой по пути.
И вновь продолжается бой

И сердцу тревожно в груди...

ЕЖИК

Глубоко вдыхая, мы вгоняем в легкие, слегка уже подзабытый, спиртовой аромат. Он задержался на маленьких кусочках ваты, оставшихся от последних на сегодня «укольных» процедур, в очередной раз, продырявивших наши «мягкие» места. Медицинская сестричка Танечка, сейчас возьмет в свои умелые, но безжалостные к нам ручки поднос, звякнув, только что побывавшими в нас «жалами» шприцов, лежащими на нем. Бросит нам свое, традиционное, — жены вас во сне пожалеют. Гуд бай! Болезные.

Хлопнет рукой по выключателю, и выйдет, плотно закрыв за собою дверь палаты.

Мы принимаем удобное положение, скрипя металлическими сетками коек, делая бесполезные попытки преодолеть бессонницу. Бессонница победила, прочно поселившись в каждом из нас, так как, обалдевшие от больничного безделья, мы прекрасно высыпаемся днем. А ночь? Ночью в тишине, мы ведем разговоры...

Он лежит на средней койке по левой стороне палаты. Он, это, Витька, последний из прибывших.

Когда его привезли на каталке в палату, мы решили сначала, что очередной гипертоник, глядя на его багровеющее лицо.

Сашка, один из ветеранов по лежке, даже возмущенно за-

махал на санитаров рукой,

– Вы чего, помощнички коновалов? Отделения перепутали? У нас же не сердечное, а нервно – травматическое?

– Лежи умник, – ответил ему шкафообразный санитар Сенья, – а то сейчас его выгрузим, а тебя на клизму доставим, мозги прополоскать.

Сашка, ответом, остался крайне доволен, и вступать в дебаты не стал. Дождавшись, когда за санитарями закрылась дверь, мы приступили к новенькому с традиционными расспросами.

– Что случилось? Каким таким ветром в больницу задуло? Встречным или может попутным?

А новенький молчит в ответ. Только рукой то на рот, то на зад показывает. Сегодня днем он только-только вразумительное что-то мычать начал. Не стали мы его днем мучить, расспросы на ночь оставили...

– Витька, давай, раз говорить начал, рассказывай, как ты до такой жизни докатился, два дня ни бэ, ни мэ, ни кукареку, – спросил его «зимний» постоялец больницы Егорович. Он из «переселенцев», нет не из тех, кто от войны там, или от стихийных бедствий бегут. Нет. Он на зиму их дачной своей халупы в больницу переезжает, как он говорит, для поправки здоровья и экономии пенсии и дров. Жена его, через две двери от нас, в женской палате, тоже, зимние тяготы преодолевает, не только дрова, но и продукты экономя...

– Витька, ау? Ёшки – матрешки, уснул, что ли? – не уни-

мается Егорыч, – народ желает знать, что с тобой приключилось. А мнением народа, в наше время, ешки – матрешки, пренебрегать никак нельзя. В противном случае, больничную койку на нары можно поменять. Из Кремля Московского, каждый день напоминают, что нельзя не реагировать на мнение народа, понял?

А мы для тебя, как раз и есть, эта самая общественность. По закону ведь как? Два человека, это приятели, а три уже организованная общественность. Так что ты эту самую общественность, до крайних мер не доводи, давай излагай.

– Да слышал, я про этот закон, слышал. Два человека разговаривают, а три уже митингуют, – сипло отозвался Витька, – я разговаривать еще, как полагается, не могу, горло, чтоб его.

– Ты нам тут муку-то через сито не сей, ешки – матрешки. Говорить он как надо не может? Слышал я в столовой, как ты добавку просил, – не согласился с ним Егорыч.

– Ну, просил, – соглашается Витька, – посмотрел бы я на тебя, если бы ты два дня как я, одну воду ел. Лежишь тут, симулянт, а больные люди в больницу попасть не могут.

– Ты это про кого? Про меня? Заслуженного больничного сидельца? – возмущается Егорыч, выхватывая из-под подушки, свою любимую «Кама Сутру», книжку, затрепанную от долгого чтения, и посылая крепкой рукой в сторону Витьки.

– У меня хворей, на всю палату хватит, – удовлетворенно

добавляет он, увидев, что попал куда хотел, – ну ка, извинись быстро!

Витька, ловит книгу. Прочитав, что это «Кама Сутра», засовывает ее под подушку, отзываясь,

– Прости меня, аксакал, язык болезнью перекрученный, не знает что говорит. Чур, ему, – и три раза смачно плюет на середину палаты.

– Книжку верни, – просит Егорыч, – я завтра в бабской палате читаю, обещали наливочки плеснуть.

2

– Вместо тебя пойду, – ухмыляется в ответ Витька, – я не меньше тебя наливочку люблю.

– Да хватит вам ерундой страдать, – в унисон просим мы Витьку, – давай, не томи, рассказывай.

– Чего там рассказывать, – наконец-то начинает он рассказ о причинах прибытия в палату, который мы уже замучились ждать, – все как у всех, по накатанной дорожке. Старый год проводили. Новый встретили. Гости уже расходиться стали. И вдруг шурин мой Васька, уже одетый на выход, хлопает себя по лбу и спрашивает, – А число – то сегодня какое, не шестое?

А откуда мы знаем, какое число. Кто же сидя за столом дни считает? Помним что через неделю на работу, уже хорошо. Но навскидку все же прикинули.

– Вроде шестое, – хором, Ваське, шурина моему, отвечаем.

Жена, зная брата своего, Ваську, подвох, в его словах чувствуя, успокаивать гостей начала,

– Ну, какая разница, какое число? Раз собрались идти домой, так идите, оделись же.

Брат ее, шурин мой, Васька, посмотрел на нее, как на сумасшедшую. Глаза вытащил и отвечает ехидно ей, за всех гостей.

– Рождество ведь наступает, а ты даже не знаешь, Марья Ивановна.

– Жену мою, значит, Мария Ивановна, зовут, – поясняет нам, Витька, – баба она ничего. Перекосы конечно, взбрыкивания, как и у всех бывают. Но отходит быстро, так что терпимо.

– Это мы поняли, – подгоняю я его, – дальше давай.

– А чего дальше? Гости разделись по новой, за столы вернулись. К Рождеству стали готовиться, тренироваться, значит. Шурину, «благодарственную» с горькой налили. За память его профессиональную. Сами пару раз, за его здоровье выпили. Рады все были, что с Рождеством

не обмишурились. Жена, наверное, одна, особой радости не проявила. А как Рождество помянули, за хорошело опять, из-за стола никто уже встать не хочет. Да и правильно. Чего вставать? Пока до дома доползешь, уже и Старый год, встречать, провожать пора.

– А иначе никак, – согласился с ним Сашка, – как встретишь, проводишь, так и год такой будет.

– Не мешай, – зашущукали мы на него, – Колумб больничный, Америку, что ли открыл? А то мы не в курсе.

Вот тут я салат «Оливье» с елкой и перепутал, – тяжело вздохнул Витька, – хватанул от елки лапу зеленую, искусственную, закусывать ей, стало быть, начал. Вы сами поймите, вторую неделю, как одно зеленное перед глазами. Елка, «оливье», еще и скатерть на столе зеленая. По запаху не определишь, искусственное все вокруг, что продукты, которые хрен знает, из чего делают, что елка. Вся жизнь пластмассой пропахла. Вот я и перепутал. Оторвал лапу зеленую, и жевать начал. Все смотрят, смеются, думают я ради прикола, а то и сами уже ничего не соображают. Сам то я, когда до половины дожевал, когда уже проволока каркаса пошла, чувствую, что что-то не то. Стал назад ее языком выталкивать, а она ни в какую. Уперлась в глотке, как баран в ворота. Иголки, заразы, не по шерсти пошли, во рту распорками встали. Наглухо, в общем заклинило. Тут все опомнились, видят, что не шучу, ко мне подбежали. Ухватились за ветку, дергать ее начали, да из стороны в сторону качать, чтоб вытащить, значит. Остановились лишь тогда, когда у меня, от действий их, этих, вредных, через щеки иголки прокалываться начали. Только тогда они, и «скорую» вызвали. Чуть погода бригада приехала. Не скажу, чтоб удивились они сильно. Видно и не такое видели. Фельдшерица, ничего такая из себя, ласково рукой по моей зеленой пластмассовой щетине поводи-ла и спрашивает, – сам дойдешь, или носилки нести?

Привезли к больнице, тут рация у них запищала.

– Некогда нам, – фельдшерица, говорит, – вызов.

В руку мне, направление сунула, рассказала куда идти и «Скорая» укатила, огнями сверкая

Добрел я до приемного отделения. А там перед дверью мамочка молодая с пацаненком сидит, вызова ждет. Я мычу, рукой на дверь кабинета показываю, потом на нее и на себя. Пытаюсь ей объяснить, что за ней, мол, буду. А она, как увидела меня поближе, вскочила со стула, пацаненка к себе прижимает, и чуть – ли не орет на весь коридор, – да что вы! Зачем после меня? Вперед проходите. Я, конечно, замычал, возражая, что мужик мол, как вперед дамы лезть. Но посмотрев на ее лицо, решил, что это не тот случай и открыл дверь. Слышу за спиной пацаненок, у мамыши своей молодой спрашивает, – А дядя мам, что? Ежика проглотил?

Сашка, самый несдержанный из личного состава палаты, с головой накрывшись одеялом, стал глухо всхлипывать от смеха.

3

Остальные хихикали внутренним смехом, радуясь тому, что в темноте, рассказчик не видит наши лица.

– А в приемном отделении, вы прикиньте, мужики, ни одной души, – возмущенно продолжает Витька, – вроде праздники, все должны быть на боевом посту, с дымящимся фитилем в зубах, а тут никого.

– А чего ты возмущаешься? Врачи, что не люди? Мы гуля-

ем, а они? Ёшки – матрешки, – заступается за медперсонал Егорыч, – они чего без праздников должны жить?

На трезвую голову ждать, когда нас привезут? Я когда в ЖЭКе работал, так бывало, бригаду нашу дежурной на праздники оставляли. Так мы сразу на утро, после праздника, созваниваться договаривались. Авария, мол, на работу срочно. Соберемся, в бытовке сядем. На стол, то, что жены с собой положили, ну а на заначку, то, чем запивать будем. Сидим, благодать – ни тебе жены, в каждую стопку заглядывающей, ни тещи, укоризненно головой качающей. Детишек сопливых, за ноги хватающих, и продукты со стола умыкающих, и тех нет. Хорошая компания, это то, что нужно. Не зря древние говаривали, что в хорошей компании, да под хорошую закуску, до бесконечности употреблять можно.

Егорыч, на всю палату, оглушительно почмокал губами, от упоительных воспоминаний.

–Еще один, – возмутился Серега, молодой мужик, лежащий у самой двери, – дай человеку сказать.

–Повезло мне, медсестра мимо проходила, – вспоминал дальше Витька, – меня увидела, подошла и говорит, – вы подождите немножко, я сейчас вернусь. Сбегаю в одно местечко и сразу к вам. Я головой закивал, рукой помахал, чтоб по быстрее, я ведь и сам, тоже, еле терплю. Намаялся ждать. Не обманула, сестричка, минут через пять вернулась. Тоже пальчиками по моим «зеленым» щекам поводила, поохала.

–Где это так угораздило? – спрашивает, – за долги, что ли

пытали?

Я в ответ только руками махаю, да звуки протестующие издаю, умираю, мол, а ты тут с расспросами. В общем, добился своего. Усадила она меня в инвалидную коляску и повезла.

На лифте на второй этаж поднялись. В конце коридора, она меня в кабинет вкатила. Я сначала подумал, что не туда попал. А как иначе? Посредине стол стоит, бутылками, да тарелками заставленный. За ним мужиков с десятков жуют, челюстями двигая.

Я сразу смекнул, что повезло мне немеряно. Что никуда меня больше не повезут, так как здесь за столом, весь дежурный врачебный персонал больницы собрался. Персонал этот, как увидел меня, сразу то, что жевал, проглотил. Они между собой переглянулись, и видимо, Гиппократа вспомнив, про присягу, даденную, из-за стола поднялись, и вокруг меня кружком встали.

Самый главный из них, как мне подумалось, высокий такой мужик, с бородкой клинышком, пальцем мне на скулу нажал, отчего мой рот, сам по себе отворился. Он пальцами его шире разжал, и заглядывать внутрь стал.

– Вот они, – говорит, челюсть мою не отпуская, – отзвуки праздников. Пишем, говорим, форумы собираем, дискусируем. Ведь любой, ну разве, кроме чиновников да олигархов, знает, что две недели праздников, это перебор. За две недели, все продукты подьедаются, и закусывать народ начинает,

чем придется, как говориться, что под руку легло, то и на закуску пошло. Вот вам и еще один убедительный пример.

– Категорически согласен с Вами, уважаемый Владимир Александрович, – говорит второй доктор, то же внимательно рассматривающий меня. Он чуть пониже того, что держится за мою челюсть, но зато у него пышная, лопатой борода, – здесь не только о нехватке продуктов надо говорить, но и том, что человек уже через неделю интенсивного воздействия, начинает путать все и вся. У меня травмированный был. А как вы думаете травмирован? Он рулон наждачной бумаги с туалетной перепутал. Видели бы вы его седалище? Гамадрил со своей задницей, по сравнению с него, снежная королева.

– Спасибо, Александр Владимирович, у вас всегда яркие, поучительные примеры, – прервал, поблагодарив главный, – а теперь, коллеги, давайте решать, чем помочь жертве праздника.

Отошли они от меня к столу. Быстренько махнули по рюмашке, и стали совещаться.

Я, конечно, как мог, уши распушил, глаза прикрыл, чтоб на картинку не отвлекаться. Всего себя на слух настроил. А они, оказывается, переговариваются, на своем медицинском, а он для меня, на вроде шифровки Кэт, Юстасу. Короче, ничего я не понял.

4

Подходит ко мне минуты через две, тот, у которого борода лопатой и ласково говорит,

– Решили мы, любезный, для облегчения, так сказать, с наркоза для вас, начать. Но так как в данной, конкретной ситуации обычный наркоз, по причине загруженности вашей ротовой полости, применить затруднительно, я бы сказал невозможно, решили мы с коллегами, использовать клизму.

Тут же медсестра заходит, с этой самой клизмой в руках. Ничегошенькая такая сестричка. Я еще подумал, ну что их заставляет с такими симпатичными мордашками, клизмами заниматься? Но как увидел внушительных размеров сосуд со шлангом в ее ручках, так сразу про все забыл и замычал от возмущения.

– Не возмущайтесь, – уговаривает бородатый, – всего лишь слабый спиртовой раствор. Неужели вы думаете, что я, почетный проктолог нашего района, могу нанести вред вашему организму? Наоборот. Клизма ослабит ваш болевой порог, и окажет на вас благоприятное воздействие.

Немногожко алкоголя, я думаю, вам не будет лишним?

В четыре руки подняли меня с кресла. Согнули, в позу поставили, в ту, которая у Егорыча в книге, на третьей странице описана, – Витька хлопнул по подушке, под которой лежала «Кама Сутра», – потом покажу. Так вот, верите или нет, но после клизмы я «поплыл», захорошел обо мне.

– Да ты чего? Через клизму? Действует? – не поверил Сашка.

– Еще как, – подтвердил Витька, – балдеешь быстро и ни-

какого запаха.

–Эврика!– заорал Сашка, – выходит, через задницу залил, и никакого запаха. Беру на вооружение.

–Ты только, больше никому об этом не рассказывай, – предупредил я, – а то раз, два, и гаишники, на постах будут приказывать штаны снимать, и в «алкотестер» жопой «газовать». Рассказывай, Витя.

– За почетным проктологом, хирург подошел, в руке машинка стригущая, хитрой какой – то конструкции, я таких и не видел. А жужжит, она, как противно. Слышали бы вы. Я только и думал о том, чтоб скорей она отключилась. Видно мольбы мои, до нее дошли, и минуты через три, поперхнулась она, захлебнувшись пластмассой зеленой. Хирург, хмыкнул, но отчаиваться не стал. Тут же машинку разобрал, продул, шнур в сеть воткнул. Но видно, что-то ему не понравилось в ее жужжание. Отключил он ее, в карман сунул. А из другого кармана, скальпель достал. Я как увидел его лезвие, так и меня сразу вся жизнь перед глазами просвистала. Скальпель этот, на медицинский инструмент похож, как гильотина на овощерезку. Им впору, как мачете, тростник под корень срубить. Видел я такой однажды, у ветеринара на ферме. Он им борова выхолощивал. Вспомнив, поджал я ноги, к себе подтянул, для верности руками перехватил. Хочу закричать, сказать ему, что нормально там все у меня, что не такую уж я и длинную ветку заглотил, чтоб она до туда достала. Помычал, помычал. А толку что? Они к этому лю-

ди привычные. Замолчал, руки убрал, ноги выпрямил. Бесполезно сопротивляться. Сколько проживу, столько проживу. Им докторам видней. Но перед тем как с «хозяйством» своим распрощаться, стал я по заднему месту себя похлопывать, с надеждой, что поймут и напоследок «наркоза» добавят. Успокоился лишь тогда, когда стал он этим «мачете», по одной, иголки со щек срезать. Долго он надо мной кудесничал. Пару – тройку раз прерывался, к столу бегал, коллег поддержать. Понимая его, я не возражал. Только с каждым его возвращением, к рукам его приглядывался. В состоянии они, скальпель держать? Не дрогнут ли, после очередного перерыва? Не соскочит ли он, на нос или уши? Уберегло. Закончил он через два часа. Последние полчаса самые жуткие были, у меня нервы, как струны натянулись, того гляди лопнут. Еле дотерпел. Собрались доктора опять вокруг меня. Совет держат, консилиум по их нему. Посовещались. Стали поочередно, а то и в четыре руки, за кончик ветки хвататься, что изо рта торчал, дергать за него, пытаясь вытащить. До чего додергали, что у меня глаза стали в такт их рывкам мигать. Они дерг, глаза мильк. Спасло, мня то, что в самый разгар «операции по извлечению», в кабинет докторша вошла.

Строгая такая на вид, в белой шапочке. На глазах очки большие, умная, значит.

– Я всех, кто в очках, к умным причисляю, – пояснил Витька, – а как же? Значит, увидеть хотят, то, что мы без очков не видим. Ученые – то, посмотрите, надо не надо, а все

в очках. Вот и она тоже, через очки свои, сразу смикитила, что тут что-то не так.

Прямо с порога, на стаю эту, вокруг меня суетившуюся, как гаркнет, – Разойтись!

В Армии не наблюдал, чтоб так четко команды выполнялись.

5

Сразу все от меня отскочили, и у стола в шеренгу встали. – Коллеги мои, праздные, – говорит докторша, – вы хоть бы Лаврушки пожевали. А то от вашего застолья наверх такой амбре идет, что у меня две роженицы, досрочно на свет ребятишек выдали.

А остальные, надышались так, что танцы устроить требуют. Сказала, что схожу, попробую договориться, а то они уже сами к вам собрались.

Головы в шеренге вниз наклонились, но каких – то пререканий, или оправданий, ни – ни.

– Будем считать, что договорились, – посмотрела она на докторов, а потом подошла ко мне, – а здесь у нас что? – челюсти, ловко так, мои раздвинула, и чуть очками по зубам не елозя, разглядывать стала.

– Случай, конечно, не рядовой, – сказала она после осмотра, – но ничего страшного я не вижу. Говорить, вы, голубчик, еще пару дней, точно не сможете, как в прочем и есть. От такой «закуски», язык безобразно распух, и требует отдыха. Но как врач, я вам скажу, что это даже полезно для организ-

ма. В тонус войдете, да и урок на будущее, – не будете, как младенец, тянуть в рот, что не попадя.

– Я, мужики, в ней сразу избавление почувствовал, – прервал повествование Витька, – вот прямо так и подумал, никто кроме нее, не избавит меня от чертовой этой ветки.

Натянула она перчатки, надавила посильнее на челюсть, встала по удобнее и говорит,

– Вы мне, голубчик, пальцы только не покусайте. Сегодня только с утра, маникюр дорогущий сделала.

Хотел я ей головой кивнуть, чтоб не сомневалась во мне. Но хватка на челюсти не женской, железной была, только глазами и смог подтвердить, чтоб за пальчики свои не волновалась.

Пошарила она во рту у меня. Собрала все отросточки в один пучок, и в кулаке, потихоньку и вытащила. Доктора у стола восторженно захлопали, засуетились, рюмки наполняя.

Я руку ей потянулся поцеловать, руку, свободу рту моему, подарившую. Но челюсти на закрытие так свело, что не то что, собственными силами, домкратом не раздвинуть.

Упал я тогда, перед ней на колени, как перед образом, три раза лбом в пол стукнул. Хотел перекреститься, но руку поднять не смог, от радости, «наркоз» сразу весь испарился.

Стою на коленях, слезы радости по щекам текут, через сведенные челюсти, слова благодарности мычу.

Так это ее впечатлило, что смотрю, спасительница моя,

вроде, как всхлипнула даже, и туман на очках показался. Сходила она к столу, и принесла мне фужер, до краев «наркозом» наполненный.

– Выпей, – говорит, – голубчик. Не пьянки ради, а для дезинфекции ротовой полости, после удаления инородного предмета. Не нравится, так не глотай, а просто прополощи.

Я с колен, не подымаясь, двумя пальцами прижимаю к небу, свой пострадавший, распухший язык, и вливаю в горло, дарованную мне, моей спасительницей водку. Выдыхаю и смотрю на нее виноватыми глазами, как бы извиняясь, что по привычке, проглотил я водку, забыв прополоскать рот.

– Так это та, что в палату тебя привела? – прерывает Витьку, Егорыч.

– Она. Спасительница моя, – подтверждает Витька.

– Надо же, ешки-матрешки, – восклицает Егорыч, – это же Анна Ивановна, заведующая родильным отделением. Тогда все понятно. Ей вытаскивать, что нам подтаскивать. Для нее это дело отработанное, привычное. Тебя надо было сразу к ней, в отделение направить.

– Дедка у тебя от «Кама Сутры», мозги в мошонку перебрались, – возмутился Витька, – как это меня, мужика и в родильное. По каким таким признакам?

– А я читал где-то, что мужику, который родит, премия офигенная светит, – вклинился в разговор Сашка.

– Я тоже читал, – поддержал его я, – миллион «зеленых», как с куста.

–И ничего, если бы и не родил. Зато первым бы мужиком был, который в родильное поступил, тоже кое-что, – засмеялся Сашка, – пусть не весь миллион, но на какие-то проценты, уже рассчитывать можешь. Как первую попытку за считали бы.

– Если б и засчитали, то ни как не он первый, – отверг Сашкины мечты Егорыч, – у нас – то он точно бы вторым был.

– Знаешь чего, так Расскажи, – попросил его Витька, – чего тень на плетень наводишь?

б

–А никакой тени, дело житейское, ешки – матрешки. В прошлом году дело было. У нас на садах, такой урожай яблок образовался, не обобрать. Ветки у яблонь к земле клонились. Ну и стал, Матвей, мой сосед по даче, их собирать. А надо сказать, яблони у него элитные, с самого Архангельского края, привезенные. Стройные, высокие яблоньки, что сосны мачтовые тамошние.

С нижних веток, и куда можно было дотянуться, Матвей, яблоки быстро собрал. А за теми, что выше, лестницу при- тащил, расставил, как положено и наверх попер, за урожаем, значит.

Потянулся он за яблочком, на самом конце ветки. Большим, наливным, солнышком обласканным.

Тут чего- то не так пошло. То ли оступился от радости за урожай, то ли вес яблока, равновесие его нарушил. Только

свергнулся он, с высоты этой мачтовой, и прямёхонько в таз с яблоками угодил, которые раньше собрал. До так удачно попал, что одно из яблочек, прямо ему в «яблочко» и заскочило. Аккурат в то место, куда, тебе, Витька, клизму заготовляли. Хорошо еще, что яблоко попало не таких размеров, от которого он с яблони слетел, и которое пока летел, так из руки и не выпустил.

– Наш человек, – опять вклинился Сашка, – мы на рыбалке выпивали. Колька разливал, тут волна в борт саданула. Не удержался Колька и за борт. Метров двести до берега на одной руке плыл, второй бутылку початую держал, чтоб водой не разбавило.

– Что за привычка, перебивать, – не удержался Витька, – доскажет, потом и выскажешься. Давай, Егорыч.

– Побежал я к нему. Помог до койки добраться, – продолжил тот, – Клавка, жена его, сначала за брюки, разорванные его ругать начала, а потом заохала, приглядевшись, в больницу, говорит, надо.

А Матвей, мужик – кремень. С какого перепугу, говорит в больницу? Я раненый, что ли? Или мешком пыльным стукнутый? Как заскочило, так и выскочит. Вот отдохну немножко, сил поднаберусь. Напрягусь, как следует, и запущу это яблочко на орбиту, еще, говорит один, искусственный спутник у Земли будет.

Оставил я его, пошел своими делами заниматься. А душа – то за соседа переживает. Ну и пошел поближе к вечеру его

проведать.

Лежит он. Яблоки с того самого таза, что перед ним на табуретке стоит, уминает. Сил, похоже, для «запуска» яблочка на орбиту, набирается. Съел уже порядочно, с одной стороны уже дно таза проглядывает.

– Ты бы, Матвей, ешки – матрешки, – говорю ему, – особо – то на яблоки не налегал. Труба-то твоя канализационная, перекрыта, пока что.

– Ты, сосед, батон не кроши, – отвечает он, – мне специалисту, про трубы рассказываешь? Всю жизнь засор там, или пробку какую, хорошим тычком прибивали. А тут совсем хорошо, чем заткнул, тем и выбью, – и очередным яблочком хрусть.

Тут я с ним спорить не стал. Он сантехник дипломированный, всю свою трудовую жизнь, в этих трубах копался. Пожелал я ему побыстрее, пробку пробить и к себе засобирался. Он мне еще на дорожку яблочко предложил, но я отказался, очень уж напоминают они о его падении.

Утром проснулся. Сразу к нему. Смотрю, а он, дышит уже с присвистом. Живот раздулся, по габаритам, к квасной бочке приблизился. Понял я, что это яблоки внутри его забродили, а клапан выпуска газов не работает. Тут я сразу ситуацию просек. С производством браги, не на словах знаком. Там на горловину бидона перчатку резиновую или шарик натянешь, чтоб значит было, куда от газов раздуваться. А тут, куда натянешь? А живот уже раздулся, куда там, того гляди

разнесет. Стали мы с Клавкой совет держать. Я предложил ей, на животе у него попрыгать, она ни в какую. Давай, тогда, говорю, ему дырочку в животике просверлим.

– Клавка, я мигом за коловоротом сбегаю. Маленьким – то сверлышком он даже не почувствует, как комар укусит. Не зря же я столько зим в больнице пропадаю.

– Садист, ты, Егорыч, – сказал Сашка, – а с виду, дедка, божий одуванчик.

– Ешки – матрешки, чудак человек, – ответил тот, – когда человеку худо, тут не до жалости. Тут на все готов. Только Клавка все равно не согласилась. В больницу, говорит и точка.

Подогнал я к их дому, свою «ласточку». Стали мы Матвея, в салон «жигу ленка» утрамбовывать, а он туда в новых габаритах, ну, ни как. Пришлось прицеп выкатывать, да к машине цеплять

Клавка перину притащила, пару подушек.

7

На них Матвея и пристроили. Сверху одеялом прикрыли, чтоб не продуло.

На ногу, из габаритов прицепа выступающую, я галстук пионерский привязал, меня в нем на «Авроре» в пионеры принимали. Как память хранил, но для спасения соседа, ничего не жалко.

– Дисциплинированный, ты Егорыч, водитель, – похвалил его Сашка.

–А как же? Ешки – матрешки! Я с пеленок, можно сказать за рулем.

Ни букв, ни табака еще не знал, а в колхозе, уже турнепс с полей возил. Иль кукурузу, «царицу полей», Никиткой обласканную. Кобыла за мной, закрепленная была, до сих пор ее помню, Сивкой звали. Ездил я на ней так, что нынешним «мерседесам» всяким, за нами, пожалуй, что и не угнаться было. И стартеров никаких, с аккумуляторами не надо. Чмокнешь, вожжами дернешь и полетели. Телега на кочке, бывало так, высоко прыгнет, что думаешь, как бы впереди Сивки не оказаться.

–Ты, дедка, в мемуарах своих, это все, потом опишешь. Ты давай про соседа своего надутого договаривай, – попросил Сашка.

–А чего сосед? Лежит себе на перине, как дома. Вести, я его аккуратно, кочки объезжаю, как вроде и не Матвей в прицепе, а боеприпас не обезвреженный. Дороги – то у нас на садах на войну рассчитанные, чтоб сразу значит, враг какой на подступах застрял. На шоссе выбрались, там веселей поехали. Если бы не нытье, рядом сидящей, супружницы Матвея, такое тягостно-надоедливое, раза в два, быстрее бы доехали.

На посту перед городом, как положено, тормознули. Старшина подошел, по габаритам такой, что Матвею, я подумал, старший братом будет, до чего упитанный. Как разглядел он, что в прицепе везем, от негодования, покраснел как поми-

дор. Задышал тяжело, губами захлопал, но слов пока не произносит. Минуты две так стоял. Потом дыхание настроил, и заверещал без умолку.

– Это чего? Это как? Это где? Это не там. Здесь вам дорога нашенская, а не Бродвей ихний. Это как называется? Это перевозка? Статья 28, разве так разрешает людей перевозить? Ты я смотрю, совсем с «катушек» слетел? За мной, на пост!

Тут Клавдия из машины вывалилась. Упала перед ним на колени, за ноги его схватила, и давай причитать, слезами обливаясь, – Касатик ты мой! Служитель придорожный! Муж, ведь, это мой ненаглядный в прицепе лежит, под одеялом новым пуховым. Отпусти ты нас, сделай милость! Войди в наше положение, коршун ты дорог, глазастый! В больницу ведь везем бедолагу, торопимся. Может последние его минутки, на разговоры с тобой уходят. Не допусти, ведь последние секундочки, доживает мой Матвеюшка! В больницу надо успеть, иначе закроет он свои ясные глазоньки. Отпусти! Христом богом прошу тебя, соловья – разбойника дорог! А я тебя отблагодарю. Вот как скажешь, так и отблагодарю!

Ноги старшины отпустила, слезы рукавом кофты вытерла, и полезла себе за пазуху, за благодарностью, видать.

И тут, выскакивает из будки поста еще один, как Клавка сказала, «соловей дорог» с булавой полосатой, потощее старшина, но зато со звездами на погонах. И так он быстро до нас добежал, что звезды эти, я только по прибытии его и сосчитал.

– Что это у вас тут, за театр старшина, – официально говорит капитан, – у меня на посту водитель, от воплей этой дамы, под стол спрятался. Решил, что убиваешь ты ее, а он следующий. Давай, по порядку, докладывай.

– Да нечего докладывать, – отвечает ему старшина, – сам еще покуда, пустой. Хотя, сам видишь, нарушение ПДД, вопиющее. И при хорошем раскладе, на большой доклад тянет. Только чувствуя, я, тут благодарности не дождешься, – и смотрит пристально на Клавдию.

А та, от этого взгляда, так с рукой за пазухой и замерла.

– Сам видишь, нарушение какое, злостное, – переводит старшина взгляд на прицеп, – перевозка людей в не оборудованном прицепе.

– Как это в не оборудованном? – встречаю я, – а перина? Подушки? А одеяло пуховое, Клавкой из резерва выделенное. Каюсь, груз, как следует, не закреплен. Но он же с руками, чуть что удержится. Да и ехал я, согласно правилам, так как с грузом, не больше семидесяти километров в час.

– Да я смотрю, вы вообще своей вины не осознаете, – отвечает старшина,

8

– За такое нарушение, да еще и несознательное поведение, прав на месте лишать надо.

– Ты погоди, старшина, – урезонил своего коллегу капитан, – ты мне здесь, на моих глазах, полномочий своих не превышай. Тут подумать надо, а не с разбегу, как ты, на те-

легу запрыгивать.

Ты, последнее послание, Президента слушал? Согласно приказу, конспектировал? Тезисы заучивал? Какая у нас политика, на текущий момент в отношении простых водителей? Что нам вещает Президент по этому поводу? Сначала водителя надо внимательно выслушать. Внимательно и терпеливо, – при этих словах, капитан поднял указательный палец вверх, и сделал паузу в виду торжественности момента, – выслушав, отнестись надо к его словам с сочувствием и пониманием. Только потом принимать решение, не забывая о том, что главная наша задача, – профилактика дорожно – транспортных происшествий. Уяснил, старшина?

– Да мы с этим понимаем и сочувствием, скоро до нищеты дойдем, – возразил коллега капитана, колыхая от возмущения огромным, нажитым на тяжелой непосильной работе животом,

– Сегодня он мужика на перине везет, а завтра бабу в ванне с шампунем. А послезавтра...

Не подобрав слов, он закрутил над головой полосатым жезлом, как пропеллером, словно собираясь улететь подальше от такого вопиющего безобразия. Но подъемная сила оказалась маловата, и тогда он, окинув нас всех убийственным взглядом, и постукивая, по сапогу жезлом удалился в сторону поста.

– Теперь, – сказал нам капитан, – только коротко, разборчиво и понятно. Начинайте излагать причины, приведшие

вас к перевозке пассажира столь нестандартным способом.

Мы с Клавдией заговорили разом. Даже Матвей ногами шевельнул, вроде как вылезать из – под одеяло собрался в помощь нам.

– Так, граждане дело не пойдет, – по привычке махнул жезлом, останавливая поток слов, капитан,

– говорите по одному. Кто за рулем был?

– Я, – отвечаю, принимая по привычке перед звездными погонами, стойку «смирно». Правая рука сразу к виску потянулась, так я ее поглубже в карман сунул. Живот, как положено, втянул и начинаю преданно смотреть на офицера, готовясь доложить о причинах такой перевозки, уповая внутри себя о впервые услышанных словах Президента о сочувствии. У нас – то разве есть время его слушать? Раз я его и слышал всего. Там где он про продуктовую зависимость от буржуев говорил, да еще про то, что времени на раскачку нет, и надо немедленно приступать к преодолению этой зависимости. Наказ к сведению приняли, и с тех пор с лопатой в одной руке, а лейкой в другой, не разгибаясь на своих участках преодолеваем. И надо сказать, на садах у себя, почти преодолели, ешки – матрешки, в магазин только за солью и сахаром ходим.

В таком плане, с заворотом в историю, и доложил я стражу дорог, какая такая нужда, заставила нас Матвея в прицепе вести. По ходу доклада моего, тут надо спасибо сказать Президенту, слушал меня капитан, внимательно не перебивая и

сочувственно при этом постоянно вздыхая. К прицепу с Матвеем подошел. На животе лежащего, марш какой-то, видно полицейский, стал пальцами выбивать, задумался, значит.

Мы рядом стоим. Я чуть поодаль, а Клавдия с капитаном, так «ноздря в ноздю». В глаза капитану заглядывает, пальцем вверх тычет, про президента напоминает.

– Да тебе, Егорыч, сказки писать надо, – прервал его Сашка, – заливаешь так, что заслушаешься.

– Вот Фома не верующий, – отвечает Егорыч, – по теплу с больницы выйду, так приезжай ко мне на сады, я тебя с Матвеем познакомлю.

– А может, и приеду, – соглашается Сашка, – так ты его доведешь?

– А то, раз говорю, – отвечает Егорыч, – нас капитан, верховным правителем к сочувствию призванный, на казенной машине, прямо до больницы сопровождал, чтоб никто больше никаких препятствий чинить не смел. Как приехали, Клавдия благодарить его бросилась. Минут пять у себя под кофтой по пазухам шарила, но так ничего и не обнаружила. То ли по пути обронила, то ли забыла, что брала и куда положила. Капитан в ожидании благодарности, стоял молча, терпением обязанный. А уж когда, руку – то она вытащила, и вздохнула виновато – покаянно, только тогда и попросил он ее, чтоб хотя бы она, начальнику его, про поступок его благородный рассказала.

Клавдия на эти слова, в чувствах перед ним рассыпалась.

–Я, говорит, не то, что начальству вашему, я до самого верха дойду. Пускай вам, за сочувствие такое к простым гражданам, к героизму приравненное, орден выделяют.

9

Ну как, такому доброму человеку и без ордена? Всяким чиновникам, да скоморохам, поминутно чего ни будь, вешают, а уж такому орлу, стоять на посту жезлом помахивая, да орденом сверкая, по должности положено. Неужто, им, для такого человеческого человека, ордена жалко? В жизнь не поверю!

Командир дорожный, выслушал ее, но от ордена скромненько отказался.

–Не за награды мы, днем и ночью, в снег и дождь, службу несем, а для того, чтоб такие как вы простые труженики, не чувствовали себя обделёнными внимания на дорогах. Достаточно того, что начальство мое в известность поставите. У нас ведь сейчас декада идет, после послания президента организованная. Под девизом – к простому водителю не задним, а передним бампером! Что означает внимание, сочувствие, помощь на дорогах. Так уж вы, просигнализируйте, начальству, не забудьте.

Сказав это, сел капитан в свою казенную машину, включил все мигающее, и звуки издающее оборудование в ней, и поехал продолжать свою службу.

– Прямо на перине, затащили мы Матвея в приемное отделение. А там как раз, Анна Ивановна, на дежурстве и ока-

залась. Сразу она его к себе, ешки-матрешки, в родильное отделение и оформила. Через три дня, он уже и домой вернулся.

– Рассказал он, как ему в родильном-то было, – поинтересовался Сашка.

– А чего? Военная тайна, что ли? Конечно, поделился, – Егорыч, пошевелился, скрипнув пружинами койки, – сначала стухнул он маленько. Это когда его в процедурный кабинет привезли, и в позу, наподобие Витькиной, согнули. Удачная поза – то. Наверное, в древности еще ее оценили, и при многих обстоятельствах применяли. В кино даже постоянно в исторических фильмах показывают, как царь выходит, или фараон там какой, египетский, все разом в эту самую позу встают. Может только клоп, да поза эта, и дошли до нас в перевозданном виде.

Анна Ивановна, ешки – матрешки, Витька не даст соврать, если по причине, что вытащить из организма, мастерица непревзойденная, не зря родильным отделением заведует. Матвея, одной секундой, от яблока освободила. Упустила она правда, тут одно обстоятельство. Не подумала, куда газ от яблок, деваться будет. Мы – то люди служивые, по команде «газы», брык и мордой в пол, нос и рот зажавши. А бабы – то о команде той не ведают, а при испуге, только ойкают, и совсем не рот ладошкой прикрывают.

Стало задыхаться от Выпущенных с Матвея газов, население родильного отделения. Зажались по углам, рты пора

скрывали, ладошки на том месте сжали, куда вероятней всего опасность метит.

Забегала по палатам Анна Ивановна. Окна нараспашку отворила, а кто уж совсем к газам равнодушный, тем кислородные подушки вручила.

Так, что друг мой Витька, не первый бы ты в родильное попал, не первый, – посочувствовал Егорыч, – А соседу – то надо про премию рассказать. Нет, лучше не ему, лучше я Клавдии скажу. Она баба, слезливая, настырная, может чего и выклянчит...

А семнадцатого числа, в пятницу, пришел на осмотр, наш лечащий врач. Встал посреди палаты.

–Господа, – громко так, весело объявляет, – поздравляю вас всех с нетерпением ожидаемой вами, выпиской с нашей больницы, славной своими традициями качественного лечения.

Мы заохали сразу, как будто старые раны, враз у всех открылись, заворчали возмущенно. Мол, как это так, совсем больных, не до леченных выписывают.

Витька рот свой открыл, в язык распухший, пальцем тыкает. Сашка, рукой своей, до африканского загара, фейерверком поджаренной, махает. Серега глазом усиленно хлопает, куда ему сюрприз из хлопушки угодил, кость игральная. А я... Я, смотря, на них завидую. Мне своей травмой не помахать, не поморгать, но чувствую, как заныло между ног, куда мне пробка от шампанского угодила. Только Его-

рыч молчит, вроде как не касается его. Накрылся возвращенной Витькой, «Кама Сутрой», и прикидывается, что задремал.

–Понимаю ваши чувства, – продолжает доктор, – но обстановка, просто вынуждает наше руководство освободить места в палатах. Вот, вчера, вся страна отмечала день Трубопроводных войск. Сантехники приплывают в приемное отделение в больших количествах. А завтра, как вы знаете, сочельник. До Крещения, остается, рукой подать. А на него, люди в прорубь сигают. Некоторые, это я по своему опыту, говорю, промахиваются. Ну не можем же мы, положить вас, вторым ярусом? Войдите в наше положение. Отобедайте, и будьте любезны, по домам...

ЭКСКУРСИЯ

Организованные туристы, прибывшие на автобусах, в ожидании погрузки на «Метеор», дисциплинированно стояли в очереди, перед цепью, перекрывающей вход на палубу судна. Прибывшие самостоятельно, заняв очередь, перекусывали у своих машин, стоящих невдалеке на стоянке.

– Все разведал. Через полчаса погрузка, – вернувшись с причала, доложил супруге Фадей Офинногенович, – вон видишь, с большим рюкзаком стоит? Вот за ним и занял. Чудак, правда, какой-то, сказал, что только туда едет.

–Этого чего? Только на остров? От алиментов бежит, что ли? Или еще чего натворил? – удивилась Нина.

– Писатель, говорит. Кажинный год, Робинзоном прикидывается, ну вроде, как на необитаемом острове, к нему герои будущих книг приходят. Потом всю зиму бумагу марают. Сочиняет, значит,

– объяснил Фадей, жене.

– Ты смотри. Робинзон и «герои» приходящие, это уже клиника. Ему не на остров, ему в «дурку» очередь занимать надо. И нам, Фига, от него подальше держаться надо, – заключила в ответ Нина,

– Не приведи, Бог, заразу эту от него подхватим, тоже «герои» приходить начнут. Иди, очередь перезайми, чтоб за ним не стоять. Хотя в таком мужике, жена, наверное, души не чаёт.

– Это от того, что на все лето из дому сваливает? – удивился Офиногеннович, – вот и пойми, вас, баб. С работы удержишься, ты всю плешь проешь. А на все лето, так выходит, сплошная радость?

– Понимал бы чего. Это, смотря, как сваливать. Вот если тебя на все лето в отлучку собрать, так надо пару кораблей как этот, доверху загрузить, тут никаких средств не хватит. Так что тебе, выгодней дома сидеть. А вот ему. Собрала рюкзачок, и вперед, в Робинзоны. Забот никаких, и на мужике, сплошная экономия. А если еще и связи с ним мобильной не будет, так вообще благодать. Чего тебе объяснять? Все равно не поймешь. На эту-то экскурсию, на два дня, два месяца уговаривала. Иди, очередь занимай, я пока перекусить при-

готовлю.

Офиногеннович, следуя армейской привычке, пару минут подождал, но, не дождавшись отмены приказа, посмотрев, как Нина, роется в сумке с продуктами, обреченно вздохнул и пошел к очереди.

– Последний кто? – спросил он, подойдя.

– За мной, касатик, держись, – ответила ему старушка, в цветастом платке, низко надвинутом на лоб.

– Погоди бабка, он за мной занимал, – сказал стоящий впереди писатель, и спросил у Фадея, – ты чего забыл, что за мной занимал?

– Не забыл. Занимал, – подтвердил тот, – но перепускаю. Дело у нас с женой образовалось, задержаться можем.

– Приспичило, видать, – хихикнул кто-то в очереди, – не удивительно. Воздух-то какой! Песчинка на песчинку лезет.

– Смотри не увлекайся, – посоветовал другой, под сдержанные смешки в очереди, – а то вплавь догонять будете.

– Зубоскалы, – покачала головой старушка, – не сомневайся, касатик. За мной будешь. Иди, исполняй, чего задумали.

– А ну вас, – махнул на очередь Офиногеннович, развернулся, и пошел к своей машине.

Нина, сидела в ожидание, отщипывая одной рукой хлеб, а другой, отгоняя мух, от разложенных на накрытом полотенце водителем сиденье, припасенных в дорогу бутербродов.

–Предупредил? – встретила она его вопросом, кивнув на сиденье, – перекуси.

–Конечно, предупредил, – ответил он, беря бутерброд с колбасой, – сказал, что тебе приспичило.

–Чего приспичило? – удивилась Нина, даже перестав жевать.

–Ну, мало ли чего, тебе в голову придет, – ответил он, куснув кусок колбасы, – это пусть они сами догадываются. Может в кустики захотелось, может еще чего? – игриво подмигнул он.

–Ничего толком не сделаешь, – вздохнула жена, – а если писатель чего надумает? Нафантазирует, чорте что? Опишет в красках, почему на корабль не торопились. А если еще и извращенец? Тогда распишет так, век потом не отмоешься. Опять по судам замучаемся ходить. Ты хоть фамилию – то у него спросил?

2

–Да чего он там напишет, – стал успокаивать Нину Фадей, – ты его видела? Он если чего и пишет, то точно не про эти дела.

–А ты читал, чего он пишет? – спросила жена, – может он как раз, эту эротику и сочиняет. Одному – то на острове, с Робинзонами приходящими, в голову чего только не придет.

– Ну, хочешь, сбегаяю, фамилию спрошу, – отложил Фадей, недоеденный бутерброд.

– Ешь, горе мое, на экскурсии узнаем, куда он с корабля

денется, – остановила его порыв жена.

Над Ладогой разгоралось солнце, заставляя переливаться разноцветными бликами озерную воду.

Чета Яблоковых, перекусив и упаковав остатки бутербродов в пакет, сидя в машине, любовались бескрайним разноцветным простором. От любования развернувшийся перед ними природной красоты, их оторвало заметное шевеление очереди. Взяв с собой, «походный» баул, они закрыли машину и двинулись к «Метеору».

Едва встали в очередь за старушкой, как из корабля, показался бравый моряк средних лет. На белой рубашке моряка красовались погоны с двумя золотистыми полосами и красивым зигзагом над ними. Моряк, откинув цепь, шагнул на причал. Окинув оценивающим взглядом, туристов на причале, громко прокашлялся и возвестил хорошо поставленным голосом,

– Господа туристы! Попрошу не создавать толчею перед трапом. Это может затруднить выход капитана, а значит и объявление посадки. Так как без капитана, докладываю вам, это не корабль, а лоханка с бантиком, не смеющая оторваться от причала. Поэтому давайте освободим проход и спокойно, желательно в тишине, подождем капитана.

– А по времени, так уже посадка должна быть, – раздался женский голос, – вы то сами, неужели не можете объявить посадку?

– Без капитана никак, – отрезал бравый моряк, – журнал

у него, надо же понимать. Беспокоиться, доложу я вам, не о чем, все будут приняты на борт, и доставлены согласно маршруту.

Не дожидаясь следующих вопросов, он прошел через обрванный туристами проход, подошел к краю причала. Достав сигарету, прикурил, выпустив облако дыма в сторону туристов.

Не успело это облако развеяться, как из «Метеора» вышел другой моряк, постарше. У него на погонах красовались три полосы увенчанные зигзагом. Моряк медленно достал из наружного кармана рубашки очки, неторопливо водрузил их на нос. Сквозь стекла очков, оглядел, притихшую, выжидательно смотрящую на него толпу туристов. Убедившись, что все взгляды обращены на него, он вытащил из – под ремня толстую тетрадку, открыл ее на странице, заложённой ручкой и снова, поднял глаза на очередь.

– Я, капитан корабля. Альбатросов, фамилия моя, – представился он, – а теперь переходим к делу. По очереди подходите ко мне, называете фамилию, – ровным без интонаций голосом продолжил он, видно такая речь, была визитной карточкой, командования «Метеора».

– У меня экскурсия от бюро. Все участники экскурсии записаны. Вот списки, – вышла из очереди женщина, и протянула капитану, два листка бумаги.

– Вы там у себя, можете писать что хотите, хоть отходную, – не принимая бумаг, ответил ей моряк,

–у меня, – он потряс своей тетрадкой, – должны быть переписаны все пассажиры и точка. Понятно?

–капитан поднес к глазу свернутую в трубочку тетрадь и через нее, как в подзорную трубу взглянул на женщину.

– Извините, – пискнула она, прячась от капитанского окуляра в очереди.

Офиногеннович, со своего места, наблюдал за медленно продвигающимся к капитану писателем, в надежде услышать и запомнить его фамилию.

–Толстой, – услышал он, подошедшего к капитану писателя.

– Толстой, – хмыкнул капитан, – не Лев Николаевич часом? В прошлой навигации вы вроде под другой фамилией присутствовали. Вот у меня записано, – полистал капитан тетрадь, – точно, вот.

Дымокуров. Ведь вы же?

– Толстой это мой творческий псевдоним, – гордо сказал писатель.

–Понимаем, понимаем, – ответил капитан, – это вроде как Шаляпин. Ну, тот, который не поет, а все больше по девкам богатым спец, ну вы- то конечно, не по этой части.

–Я, писатель, – отозвался Дымокуров – Толстой, – во мне, как у Льва Николаевича, бурлят творческие позывы. Меня, как и его, тянет на природу, в заповедные места.

3

–Заповедные, это точно, а то, что кроме творческих, дру-

гими позывами не страдаете, уже хорошо. Прошу в салон, – ответил моряк, пропуская на корабль творческую личность.

– Книжку мне обещал подарить, с автографом, – поделился капитан со следующим туристом, крепким мужиком с отвислыми усами, который еле сдерживал равновесие, стараясь не завалиться назад из-за огромного, туго набитого рюкзака, – но все как – то забывает.

– Моя фамилия Детскосельский, – еле дыша, сказал мужик, – со мной еще пятеро, все Детскосельские, – повел мужик глазами, показывая капитану за спину.

– Попрошу в сторону, – крепкая рука моряка, отодвинула мужчину, который едва не упал, успев вцепиться в поручень трапа.

– Это чего все ваши, все Детскосельские? – с уважением поинтересовался капитан у мужика, увидев четверых погодков, а за ними невысокую женщину с коляской, – Детскосельские?

– Да, – синхронно качнулись головенки четверых ребятишек и женщины, чуть погодя согласно качнулась коляска, подтверждая наличие еще одного представителя фамилии.

– Дочурка, не говорит еще, – расцвела в улыбке женщина.

– Старпом, – капитан подозвал бравого моряка, – детишек сельских к иллюминатам посади, пусть озером – океаном любуются. Но до этого, папаше заслуженному помоги комингс перешагнуть, а то свалиться в воду с припасом, а нам ставь ребятишек на довольствие, – даже не улыбнувшись, ровным

голосом приказал старпому капитан.

Проследив, за Детскосельскими, которые, держась цепочкой, вместе со старпомом, скрылись в салоне корабля, капитан продолжил посадку.

– Яблоковы, двое, – сказал, подойдя к моряку Офиногенович, – это жена моя, – кивнул он на рядом стоящую Нину.

– Жена. Понятно, – посмотрев на женщину, согласился с ним капитан, – а по какой причине предупреждаете? Вроде вы первый раз у нас в пассажирах.

– Да я без причины. Просто так сказал, – смутился Фадей.

– Что жена, я и так вижу, – показал моряк на увесистый баул у его ног, – вы чего тоже в один конец, за впечатлениями?

– Нет, нет. Что вы. С вами обратно, – заверила его Нина, – а это так, на всякий случай.

– Что запасливые, это хорошо. А то они случаи – то разные бывают, – согласился с ней капитан,

– В прошлой навигации молодожены у нас на борту образовались. Такие, ну ангелы прямо. Весь рейс тихонько так между собой ворковали, на причале за ручки взялись и ванькой звали. Обратно идти, а их нет. Два часа их искали. Кричали, орали. Ревун включали, а он у нас с ракетного катера, взвоят, волосы дыбом, держать приходится, чтоб не улетели. Через три часа ушли, а их МЧС, через четыре дня на другом конце острова обнаружила. Оказалось, первенца на острове зачать задумали, первых признаков ждали. Спасате-

ли их назад тащат, а они ни в какую.

Пока говорят, не убедимся, что зачали, ни шагу с земли этой. А у спасателей приказ, вернуть их на материк и точка. Переглянулись они и на приступ, тут у них не отнимешь, ребята они решительные. Не учли они только, что на женскую мечту покушаются. Тут их уже не женщина встретила – тигрица. Троице по лицам, как бороной, своими когтями прошлась, четвертому причинное место отбила. Вместе с ней они его к кораблю и несли. Ее, по рукам и ногам связанной, а его на носилках, в скрюченном виде. Муж, тигрицы этой, в человеческом обличье, тоже в битве отличился. Двух собак специальных, на поиски дрессированных так покусал, что собак, на корабль еле затащили, так они боялись вместе с ним обратно возвращаться. МЧС с этой парой, до сих пор еще судятся, компенсацию за лечение сотрудников и собак с них выбивая. Так, что случаи разные бывают. Но за вас, я спокоен. Вас таким «тревожным» баулом, месяц можно не искать.

–Страсти – то какие, мама моя, – охнула восклицательно – радостно Нина, – тридцать лет в браке. Было, по молодости всякое, но чтоб так. Завидно даже, – мечтательно закатив глаза, прошептала она, но через секунду, словно очнувшись, твердо заявила, – нет, нет. Мы с вами обратно. Да и возраст, знаете уже не тот, чтоб всякой там блажи потворствовать.

–Возраст тут не причем, – возразил ей моряк, – тут от волны все зависит. Вот разбушуете в голове шторм, и накроет

девятым валом, – задорно подмигнул он, – волны – то они, разной высоты бывают. А тех, кто постарше, они чаще накрывают.

4

По возрасту вроде и остановиться пора, но тут волна шибанет, навевет. А с ней волной ведь не поспоришь, стихия, она ведь не спрашивает. Ее, как не жди, а она всегда неожиданно, как шторм.

– Нам шторма ни чему, правда Фига? – сказала Нина.

Тот согласно кивнул головой.

– Мы не за штормами мы на экскурсию, – пояснила она моряку.

– Это дело хорошее, – согласился с ней капитан, – пощупать, посмотреть, полюбоваться. Проходите.

Яблоковы прошли внутрь «Метеора». Не найдя свободных мест у окон, заняли два места к проходу, рядом с сидевшей у окна молодой женщиной, с грустным, отреченным выражением лица.

– Карты Карелии, Ладожского озера, – раздалось у входа, и в проходе между кресел показался молодой парень, со стопкой буклетов в руках, он пошел по проходу, на ходу объявляя, – за сотню, подробная карта, двести рублей карта с достопримечательностями.

– Нинок, может, карту купим? – предложил Фадей, – пригодится, как ни как в первый раз в этих местах.

– Чего нам деньги переводить? – ответила жена, – да и по-

том, я атлас в баул сунула, барометр, что тебе на юбилей подарили, компас, будильник, ну и еще чего – то, так по мелочи, на всякий случай.

– Молодец, – боясь сорваться на крик, прошипел Офиногеннович, ощущая еще не прошедшую в руках, усталость от переноски баула, – будильник – то зачем положила, часы же есть, и в телефоне и на руке.

– А вдруг батарейки в часах сядут или отсыреют? – пояснила жена, – а будильник никогда не подведет. Да и звонок у него, что звон колокольный, за три километра услышат. Как прибудем, ты время отправления на нем выставь, не молодожены, чтоб на острове оставаться, – хихикнула она, игриво толкнув Фадея в бок.

– А я думаю, чего это сумка, как станина от станка моего токарного весит, – не поддерживая игривого настроения жены, хмуро отозвался он, – а там оказывается атлас, который килограмм на двадцать тянет, да еще и барометр с компасом.

– Зато не заблудимся, – заверила его Нина, – а атласом, если что, костер развести можно, там страниц столько, что неделю о дровах думать не надо.

– Это да, – согласился с ней Фадей, – не атлас, а «видал, сосут» какой-то, три в одном. География, дрова, и на охоту сгодиться. Им медведя прихлопнуть, как комара ладошкой.

– Тут медведей не водится, – поправила его жена, – и не «сосут» а «сассун», уж это – то знать надо.

– Мне то зачем? Штучки ваши бабские? – удивился Офи-

ногеннович, – медведей, говоришь, нет. Но это ничего, кого прихлопнуть всегда найдется, – и с таким хитрым прищуром взглянул на жену.

В корме корабля раздался рокот, стало слышно, как от работы двигателей заплескалась вода.

В салоне стало тихо, пассажиры прекратили разговоры, прислушиваясь к работе моторов.

Через пару минут, гул двигателей стих, и «Метеор» мягко качнувшись, отошел от причала, устремившись на просторы самого большого европейского озера, с каждой секундой увеличивая скорость.

– Ой, Фигушинька, забеспокоилась я чего-то? – заёрзала на своем кресле Нина, после того, как заглянула в окошки обеих бортов, – кругом вода, берегов уже не видно. Ты – то вон, как хорошо плаваешь. Все узнать хочу, где ты так научился?

– Да ни как я не учился. Пацаны повзрослее, меня в детстве с лав сбросили, до берега сам плыл, не тонуть же.

– Молодцы они какие, – похвалила детских друзей Офиногенновича Нина, – спасибо – то сказал?

– Да какое там спасибо. Лет пять мне было, толком еще и ругаться не умел, – вспомнив, усмехнулся Фадей.

– Ты уж, Фигушинька, меня не оставляй, если что. Я ведь плавать совсем не умею. Сразу, как топор, в глубь бездонную пойду.

– Чего же ты лодку-то не прихватила? – пошутил Фадей.

Соседка, у окна слыша их разговор, весело хмыкнула.

– Думала я, – серьезно ответила Нина, – только она зараза, в сумку ни как не лезет. Но я круг и нарукавники взяла. Может, надуешь?

5

– Погоди, дай передохнуть, – попросил Фадей, – я после этого баула, – он зло пнул стоящую у ног сумку, – не то, что круг, щеки толком не надую.

Открылась рубочная дверь, и перед пассажирами возник старпом, первым встретивший их .

Он встал у передней стенки, украшенной большим стендом с инструкциями по спасению тонущих, к исполнению которых призывала надпись поверху стенда, – Граждане пассажиры!

Ваше спасение категорически зависит от четкого выполнения инструкций по использованию спасательных средств!

Моряк стойко выдержал настороженные его появлением взгляды пассажиров. Достал из кармана платок, и тщательно вытер вспотевшее лицо.

–Граждане пассажиры! – начал он говорить ровным голосом, – команда нашего корабля приветствует вас! Вы, наверное, уже прочитали, а я надеюсь, что не все в школе из страниц букваря делали самолетики, но думаю, что большинство из вас, сумело прочитать, те шесть букв, которые обозначают название корабля. В наше время, удивляться нече-

му, поэтому, могу предположить, что среди пассажиров могут оказаться и неграмотные и люди с пониженным зрением, вот для таких я объявляю, что наш корабль называется «Метеор».

Для глухих и лиц иностранного производства, которые в небольшом количестве, но всё-таки находятся на борту, вот на этом стенде, – моряк, рукой показал себе за спину, намекая на название корабля, отмеченное на стенде на разных языках, вплоть до языка племени Йоруба, в надежде на то, что члены этого племени, обитающего под пальмами Нигерии, когда ни – будь, посетят салон корабля, – написано название корабля.

Старпом опять достал платок и вытер покрытое бисеринками пота лицо.

– Я по какому поводу заглянул к вам салон, уважаемые судари и сударыни, – продолжил он, упрятав платок в карман, – не всегда водные просторы спокойны, как сейчас. Частенько над ними поднимается ветер, а с ветром начинаются волнения, проще сказать, начинаются шторма. Так вот эти шторма начинают трепать корабль. Но, граждане пассажиры, эти шторма опытный моряк всегда преодолет. Но бывают много хуже, когда с берега, от кабинетных цунами, забрасывает к нам на борт проверки и комиссии. Эти явления они страшнее шторма, они пытаются свалить корабль сразу в Овер киль. Причем с каждым годом проверок все больше, инструкции томами. Я не стану от вас скрывать, но в нашей

команде два матроса, постоянно пишут объяснительные по результатам проверок, и заучивают инструкции, чтоб не обмишуриться перед внеочередной проверкой.

– Бедненькие, – всхлипнула, сидевшая перед моряком старушка, за которой Офиногеннович занимал очередь.

– Благодарю мать за сочувствие, но кто везет, на том и едут, – ответил ей старпом, – сейчас я познакомлю вас со средствами спасения, которые имеются на нашем корабле. Вы видите, что на полках над вашими креслами лежат оранжевые брикеты. Все видят? Кто не видит, тоже ничего страшного. Кроме органа зрения у человека присутствует орган осязания. Поэтому кто не видит, тот может пощупать данное средство спасения, – он снял с полки один из брикетов, развернул его и тот оказался спасательным жилетом.

– При пальпации, как говорит моя супруга, она у меня медик, определить можно все. Поэтому она каждый раз, когда я прихожу домой с зарплатой, тщательно пальпирует мои карманы, и слегка мою, многострадальную печень. Это немножко отклонился от темы, делаясь с вами, секретами своего семейного быта, – вздохнул старпом, – так вот при пальпации жилета вы легко под тканью определите пенопласт. Называется это все – жилет спасательный морской, сокращено, как вы догадались, ЖСМ. ЖСМ, согласитесь, произносится быстрее. Ведь пока будешь кричать, – надеть жилет спасательный морской, уже волны четыре успеют накатить, а если надеть ЖСМ! То можно успеть, это сделать, между первой

и второй.

– Между первой и второй, промежуток небольшой, – раздался возглас мужика со второго ряда с замутненным загадочным взглядом.

– Правильно, – согласился с ним старпом, – в этот промежуток надо успеть надеть на себя жилет.

– Да кому за столом твой жилет нужен? – возразил мужик, – чтобы в водке утонуть, это ж, сколько водки надо?

– Опять согласен, – кивнул головой бравый моряк, – водки много не бывает.

6

– Только я про жилет говорю, когда он нужен, когда вы тонете.

– Понял, – мотнул головой мужик, – ну нацепить мы его всегда успеем. Привычные мы к этому делу. Нам что жилет, что хомут, было бы что нацеплять.

При этих словах он посмотрел на рядом сидящую женщину, видно, состоящую с ним в семейных отношениях и добавил, – накинем на себя необдуманно, и таскаем на себе всю жизнь. Я так во всех само доносах пишу, семейное положение – безвыходное.

–И опять я с вами соглашусь, мужской солидарностью так сказать. Только вот в отличие от брачных уз, после спасения жилет надо возвращать. Имущество – то казенное.

–Раз казенное, конечно, – ответил мужик, – если будет куда возвращать. А не подскажите, мне что-то думается, что

жилет этот баба придумала, больно он на хомут похож.

– Хороший вопрос, по теме – похвалил мужика, старпом, – этот жилет придумал мужчина по фамилии Наполеон.

– Это когда на острове, его бабы до ручки довели, вот он и додумался, как от них рвануть, – высказался об изобретателе мужик с мутными глазами.

Моряк не отвечая, достал из кармана платок, который был уже мокрым до такой степени, что уже не впитывал, а просто растирал пот по лицу.

– Возьми касатик, – пожалела его старушка, протянув ему бумажные салфетки.

– Спасибо мать, – не отказался моряк, с удовольствием вытирая ими лицо, – я вам сейчас пока как надо обращаться с данными средствами спасения.

– Хочу заметить, – подскочил с кресла в середине салона мужичонка, в очках, с редкой «козлиной» бороденкой, в виде пары десяткой тщательно расчёсанных волосинок, – биографии Наполеона Бонапарте, ни слова не сказано об изобретение им жилета.

– Антилигенция, профессора, все знают, – отреагировал на его выступление «мутный глаз», – бабы достанут, так не то, что жилет, вертолет из лопаты сделаешь.

– Я, позвольте заметить, доктор наук, всю жизнь историю наполеоновских войн изучаю, – сказал мужичонка.

– И чего если доктор? Падать мне от счастья что ли? Вот знаешь, например, кто клещи изобрел?

– Конкретно, конечно не скажу, но думаю, что ремесленники, для облегчения кузнечного труда,

– выдержав небольшую паузу, ответил доктор наук.

– Да сам ты ремесленник. А еще говорит, всю жизнь изучаю, – покачал головой мужик, – клещи зубники изобрели. Чтоб значит, успеть зуб выдрать, пока клиент дуба не дал.

– Позвольте... – у доктора наук от гнева затряслась, как в лихорадке бороденка, и он бы упал в обморок, если бы не решительная женщина, сидевшая рядом, твердой рукой усадившая его на место.

Старпом, увидев, что дискуссия среди пассажиров, по обсуждаемой теме закончилась, накинул на себя жилет, повернулся, чтобы все посмотрели посадку жилета на шее. Затем вытянул вперед завязки жилета и объяснил, – Смотрите внимательно, как я буду завязывать жилет. Завязки старайтесь вязать в районе пупка, если завязывать ниже, то может приключиться конфуз, и вы окажетесь в воде, с задранной высоко головой. А в таком положении вы даже, не будете видеть, в какую сторону дрейфуете.

– На запах пойдем, – не удержался разговорчивый мужик с мутными глазами, – запах он до берега доведет. Иль дельфины дорогу подскажут, слышал, их уже говорить научили.

– Это если он с Балтики, сюда заскочит, вам дорогу подсказать, – ровным голосом, без намека на юмор, ответил старпом.

– Сударыня, – обратился он к женщине, сидевшей рядом

с мужиком, по смущенному ее виду, догадавшись, что она связана с ним долгими семейными узами, – чем хоть вы его кормите, уж больно он у вас разговорчивый.

– А что сами едим, тем и кормим, – буркнула женщина, – этого обалдуя, чем ни корми, язык как помело.

– Так надувать или нет, – шепнул Офиногеннович, на ушко жене, – отдышался я вроде.

– Надувать? Кого? – не поняла Нина, внимательно слушавшая моряка.

– Круг. Не тебя же. Тебя мне уже не надуть, шланг уже поистерся, давление ни к черту, – хихикнул Фадей, – в общем как в песне «ромашки спрятались, поникли лютики».

7

Так чего надувать или нет. Сама же просила.

– Нет. Ну, это нормальный человек? – возмутилась Нина, – ему о спасении жизни рассказывают, а он хаханьки, да хихоньки разводит. Тебе трудно понять. Круг теперь зачем, раз жилеты выдадут.

–Извини, что отвлек. Как – то не подумал, – ответил муж, облегченно вздохнув.

–Вот в прошлом году у нас ЧП на второй линии случилось. Там салагу на корабль взяли. Мелкий такой из себя, метр в кепке и то в зимней, мехом подбитой. Но на весь этот рост, дерьма в нем, как в двух сухогрузах навоза. Возвращались они с экскурсии. Ходко шли, примерно, как мы сейчас. И вот уже на подходе, этот салага навозный, пожарную тре-

вогу сыграл. Паника, пассажиры по кораблю, как тараканы разбежались. Хорошо, что капитан, сразу понял, что ложная тревога. Пассажиров успокоили, виновника к рынде, судовому колоколу привязали, чтоб еще чего не сотворил. Пассажиров начали считать, и вот тут – то обнаружилось, что одного нет.

Весь корабль обшарили, пропал человек. Пересчитали жилеты, один отсутствует.

– Ой, спаси господи, – охнула старушка, быстро переkreстившись, – утоп, сердечный.

– И утонул бы, – ответил старпом, – если бы не внимательно слушал, о чем я сейчас говорю. А так обошлось. Сам через неделю пришел, чтоб согласно инструкции, капитану жилет сдать, имущество же казенное, по описи числится. Вот тогда он и рассказал, как услышав сигнал тревоги, накинул жилет и сиганул за борт. Сделал, согласно инструкции действий по тревоге, он все правильно, но вот завязки на жилете завязал не правильно. Если бы завязал правильно, то он бы увидел, что кроме него в воде никого нет, и прыгать никто не собирается. Но видно завязывая жилет, он думал о том, как спасти свое самое дорогое. Поэтому и завязал ниже пупка, на том месте, которое решил сохранить, чего бы это ни стоило.

– А потоп бы? – ахнула старушка, – свят, свят.

– Человеку его профессии, и в гробу покрасоваться хочется, – пояснил ей моряк, – сразу, рев подымут, провожающие дамы, увидев, что они потеряли.

– Позвольте поинтересоваться, что это за профессия такая, что в последний путь дамы провожают?

И хотелось бы еще выяснить, что он там такое, вместо жилета подвязал? – с ехидцей спросил мужичонка в очках и с козлиной бородкой.

– Так как вопрос относится к теме инструктажа, отвечаю, – отчеканил моряк, – подвязал все, что находится ниже жилета, а по профессии он, танцор стриптиза.

– Сатане подспорье, свят, свят, – в ужасе, мелко закрестилась старушка, – анафема его возьми.

– Это мамаша, с какого галса глянуть, – успокоил ее моряк, продолжая инструктаж, – так как завязки оказались не на тех местах, которые прописаны в инструкции, оказалась голова у нашего стриптизера, задранной вверх. Из-за этого он не смог определиться на водном просторе. И поплыл он по воле волн, надеясь только на то, что когда ни – будь, попутным ветром прибудет его к берегу.

– Ты уж сынок, больно долго томишь, – обратилась к нему старушка, – скажи уж поскорее, как спасся – то, грешник?

– Так мать, только благодаря женщинам и спасся. В сумерках уже дело было, когда его к берегу подогнало. В это время мужикам на берегу уже делать нечего. А вот женщины еще по берегу ходят. Какая со спиннингом, в надежде поймать золотую рыбку, а иная, уже без надежды, но вдруг, какой уснувший на берегу бизнесмен, или на крайний случай чиновник попадет. Это шутка такая, – пояснил старпом, –

но одна такая, одиноко бродящая, как увидела, что вместо рыбки золотой, или судака доброго, тянет она что-то непонятное, в оранжевом обрамлении.

А как голову разглядела, испугалась очень. От ее испуга, в озере даже небольшой прилив образовался, пардон, конечно, но описалась она обильно, так, что даже немножко повысила уровень прибрежных вод.

– Женюсь сразу. Если с детьми усыновлю, и еще проси все, что хочешь, только, умоляю, вытащи, – прохрипела ей голова, в оранжевом окружении, не имеющая сил, самостоятельно выбраться.

– Ох, те, повезло – то как, – воскликнула рыбачка, – только мил человек, водоплавающий, женатая я, ребятишек трое. Мужик страсть, какой ревнивый, узнает, как бы с тобой не поплыть. Ты вот, что. Ты тут немножко в каботажном плавании поплескайся, а я к соседке, Надьке сбегаяю. Она со всех сторон свободная. Рыбачка, на всю рукоять воткнула спиннинг в песок, подкрутила катушку, до звенящей струны натянув шнур.

8

Для прочности обложила камнями ручку и помчалась в поселок за подругой.

Вдвоем они и вытащили его на берег, – пояснил старпом, – но зачем я вам это рассказал? А потому как случай поучительный. И пример хороший для инструктажа. Прямо показывает, что завязки надо завязывать, не на дорогих сердцу

местах, а на самом жилете, чтобы выбираться из воды самому, без всяких там условий.

– А женился он, или нет? – вдруг спросила, до этого хранившая молчание, соседка четы Яблоковых.

– Вопрос к данному инструктажу не относящийся, но женщине, ответчу. Всем женщинам ответчу, – серьезно сказал старпом, – дорогие наши, если вы поставили задачу, то она будет выполнена любой ценой. Вы же способны на все. И коня на скаку и избу поджечь. А уж вытащить мужика, спасти его, и заставить его выполнить обещания. Да такого в природе не может быть. Этот танцор, не успел еще всю воду из легких выплюнуть, как уже под брачным венцом был. Это же не на водных просторах, как говориться «без руля и ветрил», это же в твердых женских руках, направляющих и указующих.

– А я Фигушенька, еще, когда ты очередь ходил занимать, все удивлялась. Чего это столько девок со спиннингами в руках, по берегу ходят? – шепнула Офиногенновичу, Нина.

– Так, когда охота, она самая охота и есть. А рыбалка, та же охота. И удивляться тут нечему, когда такие дельфины, на спиннинг берут, – рассудительно ответил он.

– А вы случайно удочки с собой не взяли? – спросила у Нины соседка.

– Так мы же не на рыбалку, мы на экскурсию, – ответил за нее Фадей, – а вы рыбалку любите?

– Да не знает он, вещи – то я укладывала, – не дала соседке

ответить на вопрос Нина, – есть у нас удочка, есть. Если надо, так попользоваться я дам, – стала она расстегивать баул.

– Не надо, что вы. Я просто так поинтересовалась, – смутилась соседка, за рукав, усаживая Нину на место, – я же просто так, – снова сказала она.

Посмотрев на Фадея, она наклонилась к Нине, и стало что-то нашептывать ей в ухо.

Тот недоуменно взглянул на перешёптывающихся женщин, вслух крикнул и от нечего делать, стал слушать продолжение инструктажа.

– С индивидуальными спасательными средствами в виде ЖСМ, мы с вами познакомились,

– говорил старпом, – но есть еще и спасательные плоты, на которых вы, обязательно одетый в ЖСМ, сможете добраться до берега.

– Видите, на палубе стоят такие круглые бочки, – обратил он внимание пассажиров, – это они и есть. Выдаю вам военную тайну, плотов на корабле, шесть. Вмещает каждый плот, двадцать человек. Следовательно, можно высчитать, допустимое количество пассажиров на нашем корабле. Дело это, не совсем простое. А, например людям иностранного производства, которых немного, но они есть среди нас, с этой задачей вообще не справиться, так как русского языка они не знают. Я могу, конечно, объяснить им на их родных языках, но сейчас нет на это времени. И для таких случаев, для них, все наглядно нарисовано вот на этой переборке. Так что

пусть разглядывают и вникают.

– Look there! – неожиданно, так что сидевшая напротив старушка, испуганно вздрогнула.

На его слова, откликнулись четыре пассажира, которые стали разглядывать наглядные пособия.

– Ну вот, и с лицами иностранного производства разобралась, теперь можно заняться и расчетами,

– моряк достал платок, увидев его неприглядное состояние, убрал назад. Старушка тут же протянула ему пару салфеток.

– Образованный ты сынок, прямо страсть, как образованный, – сказала она, – как ты немцев – то шуганул по их нему. Эх, вот бы мне зятя такого.

– А это я на немецком? – удивился моряк, – а иначе нельзя. На нашем – то мать, скандал международный может разгореться. Понять, не поймут, а на выражение обидятся.

– Ты уж милоч, давай без скандалов. Потерпи, нам до земли добраться надо, – забирая у него мокрую салфетку, попросила старушка.

– Доберемся, мать. Судари и сударыни, я надеюсь, сосчитали, сколько пассажиров может принять корабль? – спросил моряк.

Пассажиры молчали, сосредоточенно подсчитывая количество мест на корабле.

–Еще не сосчитали? – посмотрел моряк на мужичонку, который шевелил губами, смотря в потолок салона, надеясь так увидеть ответ.

– Даю легкую подсказку, – сжалился старпом, – двадцать нужно умножить на шесть и прибавить к этому четырех членов команды, вернее трех, капитана считать не надо.

– Ахти, боженька, а капитана куда? – охнула старушка.

– Капитан, мать, должен до последнего оставаться на борту, и следить за тем, что все казенное имущество, закрепленное за ним, ушло на дно в целости и сохранности.

– Так утопнет же, касатик, – пожалела капитана старушка.

– Наш не утонет. Он у нас непотопляемый, его шесть раз от командования пытались отстранить, ничего не смогли сделать. Он у нас по закону Архимеда живет, – пояснил старпом.

– Это как молодой человек? – выкрикнул мужичонка с козлиной бородкой.

– Доктору наук, законы положено знать, – осуждающе посмотрел на него моряк, – второй закон Архимеда гласит, если тело втерто в воду, не потонет оно сроду.

– Но позвольте, У Архимеда..., – пискнул мужичонка.

– Ох, голова, – зашлепала в восхищении, губами старушка, – мне бы зятя такого.

Старпом приложил руку к груди, благодаря старушку и продолжил, – вместимость корабля с трудом, но сосчитали. Со средствами спасения с натяжкой, конечно, но познакоми-

лись. Отложите это все себе в памяти и главное, об этом не забывайте. На моей памяти, таких случаев забывчивости – море. Вот, например, в самом начале навигации один из пассажиров забыл на борту сумку. А в сумке, как потом выяснилось, был пахнувший порохом стреляный патрон, который забывчивый гражданин, прихватил для отпугивания от своей сумки зверей. Уверен, он был, что унюхав патрон, звери к нему и на километр не подойдут. Вот если бы вспомнил он о том, что на острове нет зверей, а по мышам из ружей не лупят, остался бы с сумкой. А так, согласно инструкции, обнаружив на борту бесхозный предмет, я сразу же сообщил куда надо. Прибыли нюхательные собаки, с приданным им в помощь специалистом по разминированию. Собаки над сумкой потявкали, сапер в специальном ящике, ее не вскрывая уничтожил. Забывчивому туристу по возвращении была оказана всесторонняя помощь. А, пострадавший, горько рыдал, сжимая в руке единственную память, от оставшуюся от его имущества. Обгоревший ремень от сумки.

При этом непрерывно причитая, – ну все хана мне, полный п... Служивые собаки, приученные к пониманию, слизывали с его лица обильные слезы. А слез было столько, что мы даже, вынуждены были, в таком состоянии не пускать его на палубу, в опасении за осадку корабля. В конце концов, не прекращающего лить слезы, его посадили в шлюпку, и так на буксире и доставили на берег, по колено в слезах. Собаки в голос выли, провожая. А в сумке и было то, три бутылки

бальзама «Карельского», да толстая тетрадь с наказами от жены.

– И надо было так убиваться, сердешному. Все из – за водки этой, проклятой, – вздохнула старушка.

– Да ты чего, старая? – возразил ей мужик с мутным взглядом, – водки в магазинах завалились, стал бы он из-за нее рыдать. Другое дело, где он тетрадку с писаниной жены возьмет? За такую утерю, или дробь сковородкой по голове, или пожизненное лишение всех прав и привилегий.

– Смотри, как покойник разговаривает, – одернула его, сидящая рядом женщина, явно состоящая с ним в семейных отношениях.

– Сумки забывают, ладно, – продолжил старпом, – но вот в прошлую навигацию, одна пара, ребенка на острове забыла. Мальчишка, уставший от экскурсии, на причале прилег на скамейку и уснул.

Он, значит, спит, а близкие родственники его, в это время, в очереди, за место спорят, доказывают, что льгота у них, так как они с ребенком. Мы уже больше половины, назад прошли, когда соседка, из них не занявшая место у окошка, спрашивает, – а ребеночек – то ваш где?

Тут они и заахали. Папаша в рубку побежал. Там капитана начал за грудки хватать, угрожать стал,

– Разворачивай, – орет, – «Аврору» свою на обратный курс, а то я тебе тут переворот устрою.

Мамаша от потери чада своего, совсем ошалела. Выско-

чила на палубу, все спасательные круги в воду покидала. За ними следом и сама сиганула, в обратный путь на остров, за сыном направилась. Мы ход застопорили, тревогу сыграли, человек за бортом. Пытались ее баграми зацепить, так она, двух матросов, за эти багры, с палубы в воду смахнула.

– А ты? – спросила, с надеждой в глазах старушка, – ты ее вытащил?

– Я мать, согласно должностной инструкции, руководил операцией по спасению.

10

В любом деле, руководство, это главное, но так как на палубе я был один, капитан в это время пытался оторвать папашу от штурвала, пришлось и мне лично поучаствовать. Оценив обстановку, кинул я конец матросу.

При слове «конец» женщины захихикали. Девчонки смущенно потупили глаза.

Мужчины уважительно посмотрели на старпома, задержавшись взглядами на нижней половине крепко сбитого тела.

Моряк, поняв, что для туристов слово «конец» имеет совершенно другой смысл, попытался объяснить, – «конец», это не то, что вы подумали. «Конец» у моряков, это линь, или трос, или по вашему просто веревка. Так вот, метнул я «конец» матросу, чтоб он им обвязал «бегущую с корабля», и я смог бы вытащить ее на палубу.

– И что выдержал? – с уважением поинтересовался муж-

ской голос.

– Кто? – не понял старпом.

– Конец, ексель – моксель, – пояснили ему тем же голосом.

– А куда он денется. Выдержал, конечно, – подтвердил старпом, – два раза она, правда, соскользнула с него от усталости, но потом схватила так, что на палубе еле оторвал.

Салон корабля грохнул хохотом.

Бравый моряк. Смотрел на смеющихся туристов, без улыбки на лице, сохраняя официальную серьезность, только в глазах появились смешинки.

– Ну, моряк. Ну, хват, – сквозь смех, вытирая катившиеся слезы, похвалила его старушка, – вот бы мне зятя такого.

– Многоженство, мамаша, у нас законом запрещено, – ответил ей старпом, – поэтому ситуация в плане демографии катастрофическая.

– Ты мне по – нашему скажи, что ты сейчас сказал, – попросила старушка.

– Мужиков нехватка. Девки рожать не желают, – вытер моряк вспотевшее лицо.

– Да ты о чем, касатик? – удивилась старушка, – у дочки моей трое, внучиков моих.

– Удивляюсь, я на вас, мамаша, – сказал старпом, – то в зятя зовете к дочки незамужней, то вдруг, заявляете, что детей у нее трое.

– И что, что трое? – протянула ему старушка очередную

салфетку, – дочка – то незамужняя.

– Это, конечно плюс, – ответил старпом, – но давайте этот разговор отложим. Я же на службе,

– моряк, снова обратился к туристам, – Вот, что получается в случае забывчивости. Хотя в нашем случае, матери ребенка повезло в одном, она удвоила свои впечатления от острова, побывав там за один рейс два раза.

– А отец, – задала вопрос соседка четы Яблоковых.

– Он не удвоил, он удесятерил, только не свои, а наши впечатления о нем. Оставив о себе неизгладимую память. Человек, доложу я вам, когда он на эмоциях, выдает прямо не человеческие возможности. Вот и папаша этот, поднапрягся, и оторвал штурвал нашего славного корабля. Добился того, чего хотел. Повернул его все – таки на сто восемьдесят градусов. Хотя на движение корабля это не повлияло, но повлияло на самочувствие капитана, которого чуть Кондратий не хватил. Но преодолев себя, он успел, скомандовать, – стоп машина.

– Не перевелись еще богатыри, – хмыкнул мужик с мутными глазами, – я тоже однажды, чтоб здоровье поправить...

– Молчи богатырь тоже мне, – толкнула его локтем в бок, женщина, находящаяся с ним в супружестве.

– Ой! А как же они без руля – то, Фига, – спросила Нина.

– А весла на что? Вот веслом и правили, – мгновенно ответил Офигеннович жене, – весла у них на всякий случай имеются. Ну, если мотор заглохнет, или штурвал оторвет.

– Врешь! Как на веслах такую махину двигать? – не поверила жена.

– Каком. На естественном газу. На нем рабы и не такие галеры двигали. Встанут на палубе на четвереньки, поднатужатся, да как дунут в парус. Некоторые рекорды скорости, до сих пор побить не могут.

– Ну, может рабы и могли, – с сомнением проговорила Нина, – сейчас – то ты где рабов возьмешь?

– Жизнь захочешь, хоть кем станешь. Хоть рабом, хоть веслом, – отговорился Фадей, – не мешай слушать.

11

– А чего слушать. У вас с ним языки, как винт у галеры крутятся, не переслушаешь, – оставила за собой последнее слово жена, наклоняясь к соседке.

– Милок, а как без руля-то справились? – спросила старушка, протягивая старпому очередную бумажную салфетку.

– Как справились? А так. Штурвал на место воткнули вместе с папашей. Ноги, правда, подогнули ему, чтоб об палубу не шоркал, так и крутили до берега. А на берегу опять оказия с нами приключилась, – вспомнил старпом, – туристы, те, что мучились на берегу нас, ожидая, как увидели, что швартуемся, сразу к нам ринулись. Так торопились, что те, кто впереди, под напором задних, прямо так с причала и свалились. А кто на причале остался, вместо того, чтобы упавшим в воду, помощь оказать, защелкали камерами. Выстроились

на краю причала, и давай снимать плавающих своими гаджетами, на вечную память. Команда круги стала тонущим кидать, а фотографы, эти самодельные, стали их перехватывать и на причал складывать.

– Панораму на всю, – орут, – испортите. Только когда, ревуном их оглушили, а потом капитан объяснил им популярно, кто они такие. Только тогда и прекратилось эта фотосессия.

Скорость «Метеора» стала замедляться. За кормой вспенились буруны торможения.

– Желаю всем провести приятную экскурсию, набраться впечатлений, – старпом развернулся и открыл дверь в рубку...

Мягко коснувшись причальных кранцев корабль замер. Первым из салона ринулся многодетный папаша Детскосельский. Огромный рюкзак бился о его спину, толками придавая ему ускорение. Не выдержав такой скорости передвижения, на выходе с трапа он запнулся, и чуть качнулся влево. Рюкзак качнулся за ним. Упав на край, он попытался схватиться за настил трапа, но вес поклажи, стянул его вниз. Обрызгав стоящих на трапе, поднявшими от его падения брызгами, Детскосельский, плавая на рюкзаке, отчаянно замахал руками и ногами, пытаясь перевернуться.

– Спасите! – закричала его жена, вместе с высунувшейся из коляски дочуркой, но это был единственный возглас, призывающий к спасению на водах.

Женщины стали рыться в сумочках, мужчины поставили свои сумки, и достали из карманов телефоны.

–Якорь вам во все отверстия, – рявкнул, высунувшийся из рубки капитан, – человек за бортом! Старпом командуй!

–Час, целый час, кому говорил, – крутилась мысль в голове старпома, пока он снимал спасательный круг, – спасать надо, а они на вечную память снимают...

ТАК ДЕРЖАТЬ!

«Совет депутатов сельского поселения Ожиданка, первым в нашей области отчитался о выполнении на своей территории Майских указов. Редакция нашей газеты, попросила прокомментировать успешное выполнение поручений президента Медведева Дмитрия Владимировича. Вот что он нам ответил:

– В преддверии майских указов, которые мы с нетерпением ожидали, в нашем сельском поселение была проведена большая подготовительная работа. Работа, как раз, приуроченная к выходу этого знаменательного документа. Так что, когда он был опубликован, наши депутаты, наша администрация, все население с огромным воодушевлением приступили к его выполнению, – сказал с присущей ему скромностью Дмитрий Владимирович, – самым неоченимым направлением, потому как невозможно дать оценку тому, что дает нам в настоящем, да и в будущем оздоровление народа. И вот этот призыв нашего дорогого Президента к здоровому

образу жизни, стал самый яркий, самым горячо принятым нашим населением. Именно это стремление к здоровому образу жизни, было принято нашим народом всей душой, и, конечно же, стремлением к скорейшему его претворению в жизнь.

Вы знаете, что за достигнутые успехи в здоровом образе жизни, старожил нашего поселения

Ходоков Егор Егорович, был занесен в книгу рекордов Гиннеса, пробежав стометровку за две с половиной секунды.

–Но говорят, что он убежал от быка?

– Ну что вы. Не бык это был. Тренер...

(«Так держать!» газета Трибуна региона. Надеждинская область.)

Глава Ожиданского сельского поселения (не путать с колонией – поселением), являющийся еще и председателем Совета депутатов и главой администрации, был единогласно избран председательствующим на очередном заседании совета депутатов поселения.

Дмитрий Владимирович, очень гордился своей фамилией, доставшейся его роду от далекого пращура, которого согласно семейному преданию, на охоте в трех сосенках, называемых перелеском, запутал медведь. Да так запутал, что вышел пращур к людям, только через неделю, да еще почти год, рогатину отобрать не могли, так и ходил с ней. Вот и

стали с тех пор люди, всех потомков его звать медвепутами.

В наше время, конечно, с такой фамилией, надо республикой руководить или регионом, на этаких – то постах, она к самому что ни есть месту. А тут в деревне...

Тяжело в деревне с такой фамилией, друг друга все знают, телевизор в каждой избе... Иногда вместо сериалов и новости смотрят...

Стеснялся, как то своей фамилии Дмитрий Владимирович, не позволяла она ему полностью раскрываться в своих способностях. Ну, как в деревне, при такой фамилии, о будущем говорить.

О недалеком уже, ярком светлом будущем? Деревенские они ведь люди конкретные, подождут, подождут, обещанных светлых времен, а потом белым днем «темную» устроят, попинают с напоминанием.

Стал он подумать о модных теперь псевдонимах, вместо фамилии, прислушиваться стал к слухам на деревне, какое прозвище прилепили? А было их немало, и все они, как и в случае с пращуром, к событию какому – то с ним были приурочены. А событий этих...

На первых выборах выдвигая свою кандидатуру, молодой и неопытный, озвучил он программу по ремонту дорог. Молодой был. Это сейчас он понимает, что дороги в России, это такой же символ, как ромашка, как березка, и ремонтом их занимаются те, кто дорожит этими затратами так, как своим кошельком, зная как тратить, чтобы сэкономить.

Программу озвучил, в грудь себя постучал, депутатом стал, а выполнить не смог.

Жердиной его тогда опоясали разочаровавшиеся в своем избраннике, избиратели. Две недели, скрючившись, ходил, людям объясняя, что он депутат теперь, фигура неприкосновенная. Перед некоторыми, особенно непонятливыми, мандатом, охранной грамотой своей, для убедительности потряс. И ничего, перенес эти первые политические неудобства, поумень, скромней стал в своих программных заявлениях. Пару лет, правда, после «темной» ходил он под прозвищем Кощей бессмертный, не обижался, народ он всегда скажет, не « в бровь, а в глаз»

2

Как еще можно назвать такого, стойкого ко всяким жизненным неожиданностям человека?

Когда последний раз, жердиной по хребту, пытались до его совести достучаться, так та, на три части рассыпалась, а ему хоть бы что. Походил месяц скрюченный, и чего? С кем не бывает. Зато дальше по служебной лестнице полез, вроде как «курсы повышения» окончивший.

Сразу на три стула по должностям присел. Змеем Горынычем стали на деревне звать, а кто Святой Троицей. Со временем, ему, уже тертому калачу, проперченному, прожаренному за двадцать пять лет, в чугунной «буржуйке» политика и чиновника, на все эти прозвища, до одного места стало. Рты не заткнешь, как хочется пусть, так и зовут, лишь бы на

выборы ходили, да «галку» ставили» против фамилии его. Двадцать лет, население Ожиданки фантазировало в своих творческих исканиях, пока не остановилось на одном, всем пришедшем по душе, прозвище – Трехглавый. Носит с тех пор Дмитрий Владимирович, это прозвище, по газетному, псевдоним, который вытеснил в конец, и фамилию его, прашуром приобретенную – Медвепутов.

Он и сам, так к нему привык, что и подписываться стал Трехглавым, подумывая над тем, что надо его узаконить...

– Господа депутаты, – постучал он ручкой по графину, призывая присутствующих к вниманию, – время. Пора начинать заседание нашего совета. Секретарь? Сколько депутатов присутствует, – спросил он, прекрасно видя, кого из десяти депутатов нет на месте двух.

Дородная дама, в том прелестном возрасте, когда «ягодка опять», одетая в цветастое платье, туго обтягивающее ее пышные формы Паутова Людмила Михайловна, являющееся личным секретарем Трехглавого, распевным голосом доложила, – Из десяти депутатов нашего Совета, на заседание присутствует восемь.

Людмила Михайловна, по всем статьям имела полное право на распевный голос, на яркое платье. Кроме своего секретарства, она еще занимала не обременительный пост начальника организационного отдела. И эта ее должность была незыблемой, пока Дмитрий Владимирович был главой. Людмила Михайловна являлась законной женой его двоюродно-

го брата.

– И какие это такие, неотложные дела у депутатов? Позволяющие им пропускать заседания? – грозно спросил Дмитрий Владимирович, смотря поверх голов молчавших. Он знал все эти причины, но должность обязывала к осуждению подобного, – пропускать заседания на которых обсуждаются неотложные текущие вопросы и принимаются решения, необходимые для перспективного развития нашего сельского поселения?

– Правильно, дорогой вы наш Дмитрий Владимирович, – с ходу поддержал его, Проныров Сергей Михайлович, единственный из десяти депутатов, заседающий на постоянной основе, получающий за это зарплату, – это даже любопытно. Какие это такие важные дела есть у народного избранника, что он даже уклоняется от выполнения своих обязанностей, направленных в первую очередь, на создание комфортной среды проживания, нашего населения?

За неприлично высокую по деревенским меркам «народного слуги» зарплату, он поддерживал всегда, везде и во всем, своего благодетеля, в прямом и переносном смысле. До лиловых от кровоподтеков рук, аплодировал речам, подхватывал под белые ручки, во время банкетов и других застолий. Носил на себе, когда от бесчисленных тостов и здравниц у Трехглавого, отказывались передвигаться ноги, а руки уже не держали бокал...

– Валька в школу побежала. Перед директором школы

ставить вопрос о запрещение мобильных телефонов ученикам. Вечером в новостях увидела, что сенаторы обсуждали этот вопрос, вот засуетилась. С утра и побежала в школу, что успеть среагировать на думы сенаторов. Они ведь если забубнили о чем, так скоренько запросы ожидай, чтоб потом, как пишут, «по многочисленным просьбам трудящихся», что ни будь придумать. Заявление мне ночью принесла, чтоб вы включили этот вопрос в сегодняшнюю повестку, – сказала Людмила Михайловна, протягивая Дмитрию Владимировичу, листок с заявлением.

– Валентина Матвеевна, а не Валька, – поправил ее тот, – надо с уважением относиться друг к другу, тем более это относиться к нам, избранныкам народа. Я считаю, причина отсутствия, более чем уважительная. Думаю, что отсутствие Валентины Матвеевны, можно объяснить, как выполнение нашего поручения. Принимаем безоговорочно, и без голосования. Согласны, коллеги?

Депутаты одобрительно закивали головами.

3

– Предлагаю вынести депутату Рюмашкиной Валентине Матвеевне благодарность от нашего депутатского корпуса, – продолжил председательствующий, – за отличную реакцию и мгновенное реагирование. Людмила Михайловна, занесите в протокол заседания. Кто за это предложение?

Голосуем господа, голосуем?

Депутаты, поддерживая предложение, единогласно под-

няли руки.

– Может, и начнем заседание с вопроса депутата Рюмашиной, – решил проявить себя Проныров,

Если б моя власть, я б вообще телефоны разрешил только с совершеннолетия. К нему, хоть какой – то порядок в головах установиться. У моей кумы, внук, что учудил? Он по телефону, отделение почты заминировал. Пенсии пришли, надо выдавать, а как, «осторожно мины». А из-за чего? Из – за ерунды. Бабка ему, видите ли, скутер новый купить отказалась. Участкового три раза из – за стола подымали, а это дело, скажу вам серьезное, когда он «ножки» у соседа обмывает. Он нас лучше чем, Бобик мой, облаял, причем неоднократно. Всю почту перевернул, часа два шарил, пока не обнаружив бомбы, не разрешил открыть.

– По Машке, заведующей, он там шарил, богатству ее телесному нарадоваться не мог. Какие бомбы у нас в деревне? – перебил его, Мамочкин, самый молодой из депутатов, давно восплававший интересом к безответной в этом вопросе начальнице почты, – по Маньке с ее данными, сутками можно елозить. Участковый еще быстро управился.

– Опыт он, вам не лист по осени, с зимой не облетает, – похвалил участкового Евграфыча Трехглавый, – я попросил бы депутатов, -постучал он по графину, призывая к вниманию, -попросил бы депутатов, на заседаниях приводить только проверенные данные. По Марии Константиновне, данных и свидетелей нет? Нет. Тогда считаем, что наш участковый

выполнял только свои служебные обязанности. Тем более что он мне пообещал в область о происшествии не сообщать, а штраф за ложный вызов занести к нему домой. Правда, там сумма такая, что куме твоей, Сергей Михайлович, дешевле было бы на «Мерседес» внуку отвалить.

– Это откуда же у нас пенсии такие? – задал вопрос, самый старший по возрасту депутат, в прошлом первый тесть Дмитрия Владимировича, Губанов Геннадий Андреевич.

– Ну, ты даешь, Андреич, ты чего на экране ее не видал? – она же в артистках была, по к нам не приехала. В фильмах, не видел что ли? Да она всю свою молодость, по болотам про-бегала, где зорей не слышно. Она к страданиям привычная, мало в кино, так еще и в депутатах сколь лет страдала? Горе людское, полной ложкой хлебая, за нас, простых граждан переживая. А сколько она партий сменила, думаешь легко все это? – встряла Людмила Михайловна.

– Да уж, досталась долюшка, не позавидуешь, – поддакнул родственнице благодетеля Проныров.

– Да от такой доли, да пенсии, от зависти слюной пода-вишься, – не согласился Губанов.

– Я вот что думаю, по поводу штрафа и нашего участко-вого, Дмитрий Владимирович, – продолжил, волнующийся по поводу штрафа Проныров, – думаю, что в его действиях усматривается беспредел и оголтелая коррупция.

Депутаты отреагировали на его слова, такими едко камен-ными выражениями лиц, что он, прикусив от досады губу,

начал оправдываться.

– Ну, я же не про присутствующих, товарищи. Я о проблеме в нашем государстве, которую постоянно озвучивает наш бессменный лидер, дай бог ему век процветать, о проблеме коррупции и казнокрадства. Каждый день, каждый день, по стране выявляются такие, вопиющие случаи. А у нас что? Почему мы не реагируем? У нас по этим показателям, большой круглый ноль.

А пора. Пора, товарищи депутаты и нам заняться выявлением таких случаев на нашей территории.

Этим мы окажем безмерную поддержку нашему, я бы сказал, вождю, в этом его бесконечно продолжающемся начинании. Вы все слышали его, последнее выступление, – времени на раскачку нет, и это он повторяет в каждой своей речи от выборов до выборов. Вот я и предлагаю, господа депутаты, без всякой раскачки, и нам начать эту работу, и начать ее с нашего, то, не к счастью, конечно, а, к сожалению, бессменного десятками лет, участкового.

– А чего, сразу с участкового? – сказал, прищурился на него глаз, как в прицел, Треглавый, – Мы с тебя начнем. Ты как инициатор идея, а инициатива у нас сам знаешь, наказуема. Вот и давай, сам себя и уличи в коррупции. От себя мы тебе за сознательность, благодарность объявим, в область о твоём почине сообщим.

– Я пока, – промямлил Проныров, – кажется к этому не готов. Я подумаю...

–Надумаешь, сообщишь, – прервал его Трехглавый, – кто еще хочет высказаться по этому вопросу?

– Надо интернет запретить, – внес предложение Геннадий Андреевич, – внук, сын твой, чего придумал? По интернету катер, наложенным платежом заказал. Подкову коня Семен Михайловича Буденного, семейную реликвию, память о матери, героической санитарки первой конной, и ту пришлось продать, чтоб со штрафными санкциями расплатиться. А куда денешься? Пригрозили, что если не заплатим за ложный заказ, нас всех на этот катер погрузят, и в Марианской впадине утопят.

–В суд надо было обратиться, – блеснул осведомленностью Проныров, – афера чистой воды.

– Самый умный. Гляди одно горе от ума. Мозги могут в разные стороны не брызнуть, – возмутился Геннадий Андреевич, – у них такие юристы. После суда, подковы со всей родни придется сдирать, чтоб от круиза на катере откупиться... В первую очередь с отца непутевого, – добавил он, посмотрев на Трехглавого, – прошу рассмотреть мое предложение на ближайшем заседании совета.

– Людмила Михайловна, внесите в протокол, – не стал спорить с бывшим тестем Дмитрий Владимирович, – кто еще отсутствует?

–Ветеран наш, заслуженный отсутствует, Владимир Владимирович, жертва последствий реформ.

– распевно с легкой ленцой, доложила та, об отсутствие на заседание Лигачева Владимира Владимировича, единственного в деревне человека, имеющего удостоверение на льготы, как «жертва последствий реформ».

Имея твердолобый характер, всегда не согласный со всеми и вся, всегда шагающий поперек наезженной народом колеи, Владимир Владимирович, громко отстаивал все нововведения в стране. Во времена перестройки, он человек непьющий, по причине слабости здоровья, счастливо приветствовал антиалкогольную компанию. Односельчане, в большинстве своем, не жалующиеся на здоровье, периодически проводили с ним беседы, рукоприкладством выбивая с него отказ от своего мнения, а вместе с ним и остатки драгоценного здоровья. Беседы прекратились лишь тогда, когда страна, куда внесла свою лепту и борьба за трезвость, безоговорочно развалилась.

Наступили смутные времена, стершие все права и обязанности.

Правда во время исторических событий под названием «голосуй, а то проиграешь» его опять били, пытаясь, как у сведущего человека узнать, чего проиграешь, если голосовать не будешь, или наоборот, тогда, чего выиграешь? Последний раз били, когда поняли, что остались без выигрыша, и те, кто пошел на выборы и те, кто не решился.

Когда более, менее, все устаканилось, Владимира Владимировича, так как обиженных, как и юродивых на деревне

любят, выбрали в депутаты.

Получив мандат, Лигачев воспарил. Купил себе, выложив за нее всю пенсию, и все накопления на черный день, так как с мандатом депутата, он собрался жить вечно, электрическую пишущую машинку, три контейнера бумаги, и начал писать. Бумаги с подписью, «депутат Лигачев» полетели по стране стаями, косяками, клинами. Он писал о том, что всю сознательную жизнь, поддерживал генеральные линии. Партии, президента, правительства. Госдумы, облдумы, сельсоветов и деревенских сходов. Поддерживал, ощущая при этом на себе, на своем здоровье, недовольство неосознательных масс, трудового крестьянства.

Наконец, депутаты Госдумы, увидели в его посланиях рациональное зерно. А увидев, тут же ввели новую категорию льготников «жертва последствий реформ», куда записали себя, тех, кто был постарше. Еще через полтора года переписки к этой категории причислили и Владимира Владимировича. А еще через год, вызвали его в областное управление партии «Ядро», «Я дорожу Россией», в народе прозванной, благодаря множеству уголовных дел, заведенных на ее членов «Я дою Россию», где торжественно вручили удостоверение. К удостоверению выдали нагрудный знак «жертва реформ» с ликом Горбачева и Ельцина, и табличку с той же надписью, которую велели прикрепить на фасад своего дома.

В заявлении в партию отказали, сославшись на то, что и «думовских» депутатов не прокормить...

– Он на станцию поехал, проходящий из Казахстана встречать. Ему через проводников, родственники, раз в неделю канистру с бензином присылают, – пискнула женщина депутат Наталья, племянница Трехглавого, дочка секретарши, Наталья.

5

– Ну что ж, это тоже можно признать уважительной причиной, – сказал Дмитрий Дмитриевич, – у нас хоть и нефть своя, но добываем много, сами перерабатывать не успеваем.

– От этого импортный бензин из нашего сырья у соседей дешевле выходит.

– А почему так, Дмитрий Владимирович? – задал вопрос депутат Проныров, думая прибавить авторитета председательствующему.

– Федерация, чтоб ее, – вовремя сдержался, чтоб не выругаться Геннадий Андреевич, – в ней каждый суслик – агроном.

– Мы здесь собрались не для того, чтоб обсуждать государственный строй, – веско заметил Трехглавый, – в повестке нашего пленарного заседания, майские указы президента, и принятие необходимых мер, для их скорейшего выполнения на территории нашего сельского поселения.

– А какой он у нас сейчас государственный строй? – хитро прищурившись, спросил его бывший первый тесть Геннадий Андреевич.

– А вы – то, как думаете? – ответил вопросом на вопрос председатель.

– Я не думаю, я уверен, государственный аналогизм, – ответил тот.

– Поясните, что-то я не слышал о таком государственном устройстве, может вот Наташа, со своим академическим образованием, знает?

– В животноводстве, которое я изучала, такого понятия нет, – сразу отреклаась племянница.

– А чего тут пояснять, – поерзал, на стуле поудобнее садясь, Геннадий, – Аналогизм, это такой строй, которому аналогов нет. Вот у нас посмотрите, по вооружению аналогов нет? Нет.

По здравоохранению, аналогов нет. Нет.

– Ну, с вооружением я согласен, а медицина-то почему, – засомневался Трехглавый.

– Так тоже аналогов нет. Скажи, в какой стране, больного везут за триста километров. Молчишь?

– А, вспомни, у нас, когда у бабки Лепеши, сердцехватило, вместо, районной больницы повезли в кардиологический центр. Пока везли, трясли. У нее от колыхания организма, клапан сердечный заново открылся, все камни из почек вывалились. На середине дороги из машины выскочила, как десантник с переворотом, кросс домой назад, в семьдесят километров за три часа преодолела. Вот это медицина. Вы где ни – будь, про такое лечение слышали? Теперь, гово-

рит не куда, а прихватит, в чистое одеваюсь и на погост.

Образование тоже. Внук мой сын твой. Спрашиваю, кто у нас у руля сейчас? Погоди, говорит дед, сейчас посмотрю, и на телефоне щелкать. Ты, говорю, хоть чего знаешь? Отстал ты от жизни дед, говорит, зачем? Когда в интернете все есть. Вот, говорит, денег заработаю, чип себе вставлю, все знать буду.

Пенсия же, опять. Никаких аналогов. Сплошной эксперимент. Каждый год правила начисления меняют. Сменяют и смотрят, выживут, не выживут. Год прошел, живут. Надо снова менять. Все денег не хватает. В каком еще государстве, с такими богатствами, а денег на пенсионеров вечно нет. В период застоя и упадка экономики были, а сейчас, как говорят, в период расцвета нет? Это как? За то, чиновников и прихлебателей у нас уже больше, чем солдат в армии. И пенсии у них по особому закону. Так дальше пойдет, скоро снова изменения будем вносить, как в Индии, касты вводить. Вот я и говорю, аналогизм.

– Геннадий Андреевич, будет считать, что это ваше личное мнение. Напоминаю депутатам, что у нас пленарное заседание, а не обсуждение государственного строя. Кто за то, чтобы начать заседание?

Депутаты, соглашаясь, качнули головами.

–Начинаем. Из десяти депутатов присутствует восемь. Кворум имеется. Собрание имеет право принимать решение, – выполнила Людмила Михайловна, свои секретарские

обязанности,

– Слово предоставляется главе, председателю совета депутатов, главе администрации нашего сельского поселения Трехг... Медвепутову Дмитрию Владимировичу.

– Уважаемый совет! Сегодня на повестке дня рассмотрение майских указов Президента, я сказал бы наказов, на то, как мы будем жить дальше. Каждый указ, является национальным проектом, нацеленным в будущее.

– А с прошлыми – то чего? – не удержался от вопроса Геннадий Андреевич.

– Все нормально. Все цели и задачи, поставленные, ими в основном выполнены, – ответил, одарив его, убийственным взглядом Трехглавый, – вот некоторые статистические данные.

6

Продолжительность жизни в стране за прошедший период перевали за семьдесят один год у мужчин и семьдесят пять у женщин.

– Это в какой стране? – не поверил Геннадий Андреевич, – у нас в деревне самый старый, Яшка Шишман, ровесник мой. Только мне шестьдесят восемь, а ему восемьдесят один. Неделю гадал, почему так, потом к нему пошел. Три дня, пытки к нему применял, алкогольно – рыбном методом, я всю пенсию в сельпо оставил, пока он не расколосся. Оказалось дочка его, в паспортном столе в области работает. Вот она ему года и прибавила, после указа, что приказал, после

восьмидесяти лет, к пенсии приплачивать. Вот я и подумал. Может мы его дочке звание «Почетный гражданин» Ожиданки дадим, а она нам за это года прибавит? И статистику не подведем, и материальное положение поправим. А иначе никак. Можно еще, два дуба, что на берегу, в деревне прописать, средний возраст поднят, им то лет столько, что никто уже и не помнит. Тогда у нас вся деревня долгожителями будет наполнена.

– Беспредел и коррупция, – оглушил всех своим выкриком Проныров, – сигнализировать надо. Президент наш, кумовства не признает, он у нас категорически против этого.

– Это да. Дочки – сыночки сиротинушки, с хлеба на квас, как мы перебиваются, – иронически подтвердил его слова Геннадий Андреевич.

– Молчи уж ботало, – урезонила Пронырова, секретарь, – а то мигом с постоянной основы слетишь.

– Давно пора этот вопрос решить, очень он по нашему бюджету бьет, – пискнула Наталья.

– Согласен, – поддержал ее, Лигачев, – еще надо рассмотреть вопрос о добавках за выборную должность. А то некоторые, – посмотрел он на своего бывшего зятя, – к тройному окладу, еще и выплаты имеют. Хорошо пристроились, пять лет штаны о кожаное кресло потрут и на тебе пенсия, как у героя космонавта.

– Товарищи! Господа! – нервно постучал о графин Трехглавый, – повестка дня утверждена. Предлагаю прекратить

прения и продолжить работу. Кто за мое предложение.

Шестеро депутатов подняли руки, двое воздержались.

– Большинство согласны. Продолжим нашу работу, – Дмитрий Владимирович, – опустил глаза на лежащий перед ним листок, – переходим к планам по осуществлению наказов Президента, нашего. Нам с вами, господа, надо наметить ряд мер, которые приведут население нашего поселения к увеличению продолжительности жизни. Как велел наш лидер, в среднем по поселению к семидесяти восьми годам.

– Плевое дело. Полено обтесать, Буратино сделать, – поддержал его Геннадий Сергеевич, – выписывай командировку.

– Это куда? Это зачем? – почуввав в словах бывшего тестя подвох, заволновался Трехглавый.

– Дубы столетние, на прописку искать, иначе не выполним, – спокойно, не дрогнув ни одной черточкой лица, ответил Геннадий Андреевич.

– Вам все шуточки, – покачал головой, осуждая тестя Трехглавый, – за это лишаю вас, на полчаса права голоса. Помолчите пока, а мы серьезно подумаем.

– Вторая наша задача, товарищи, – выправление демографической ситуации. Проще говоря, повышение рождаемости в нашем сельском поселении. . .

Его прервал звук открывшейся двери. В комнату вошел седой мужчина, в синем потертом пиджаке, на левом лацкане которого, ярко светился значок с двумя барельефами. В ру-

ках мужчина держал, металлическую двадцатилитровую канистру. Судя по звуку, который издала канистра, когда он ее с облегчением поставил на пол, она была полнехонькой.

Вошедший, вытер платком вспотевший лоб, отдышался с натугой уставшего человека.

– Прошу извинения за опоздание, разрешите присутствовать, – выдохнул он, – дела неотложные.

– Понимаем, проходите, Владимир Владимирович, – ответил ему Трехглавый, – канистру надо бы было на крыльце оставить, горючий материал все- таки.

– Так сопрут, ценная вещь, – не согласился «жертва реформ».

– Бесп..., – завел свою «пластинку» Проныров, тут же умолкнув, под выразительным взглядом каким его одарил, Трехглавый.

– Владимир Владимирович, я надеюсь, вы ознакомились с повесткой заседания совета? – спросил помягчев взглядом председательствующий.

Пострадавший от реформ, солидно кивнул головой.

7

– Мы по первому вопросу решение пока не приняли, подумаем до конца заседания. Сейчас рассматриваем второй вопрос.

– Он посвящен улучшению демографической обстановки. Поднимать надо рождаемость, дорогие коллеги. Наш президент сильно обеспокоен, положением дел в этой области.

– Если б было чем поднимать, давно бы подняли, – с придыханием, еще не полностью восстановивший дыхание, сказал Владимир Владимирович, – в деревне – то одни старики остались, а у нас только давление поднимается, скачет, я бы даже сказал. Посочувствовать в этом деле, мы еще президенту сможем, а вот, как помочь? Тут даже пообещать что-то язык не поворачивается. Единственное, что приходит в голову, это надо, молодежь возвращать.

– Ага, сейчас. Так и рванула она назад, от пепси, хулуинов там разных, этого, как фастфуда, – не согласился Геннадий Андреевич, – развлечений у нас никаких. Разве только глава вот, в восьмой раз женится.

В помещение повисла тишина, все смотрели на Трехглавого, ожидая ответа.

– «Ходку» я думаю можно поручить, – выручая начальника, сказал Проныров, – у него в избе, прямо как, клуб по интересам. Старухи у него с утра до вечера топчутся.

– И что с того? Ты с головой – то дружишь? Какие из наших бабок, роженицы? – выдавил, из себя Трехглавый.

– Вот этого я не знаю. Не проверял, – ответил Проныров, – чего они тогда каждый день у него?

– Так проверь. Или снова напоминать о том, что на совете приводить только проверенные данные, – сказал Трехглавый, – а баки у него пасутся с прошлого дня Конституции? Помните день Конституции?

Депутаты, радостно улыбаясь, зашевелились. Закивали

головами, захлопали друг друга по плечу.

– Помните, как Ходок на всю деревню орал, что он мужик еще хоть куда. Что его радиация в Чернобыле поцокала. Что весь выхлоп от взрыва, ему ниже пояса пошел, и что у него теперь там

Пееертпент ... тьфу, ты, в общем, вечный двигатель. И что его из академии, когда он на обследование лежал, только из – за этого и поперли. Лечащему врачу, мужику, в палату было не пройти, очередь из женского медицинского персонала стояла. Я в избе у него бабки хоровод водят. Спустит штаны ходок, а они вокруг него ходят, да по нему глазами шарят. А он им приговаривает, ищите девки, ищите. Где – то должен быть. Видать, стартер вечного двигателя ищут.

– Комиссия надо создать, – высказал предложение Геннадий Андреевич, – если насчет «двигателя», он не врет, надо ему создавать условия, – подмигнул он Людмиле Михайловне, отчего та зарделась, как вечерний закат, – комфортные условия для пополнения населения. Ну, а если врет, то наказать по всей строгости, за предоставление ложной информации.

– С этим я думаю, можно согласиться. Пишите, Людмила Михайловна. Создать комиссию для проверки Ходакова Егора..., как его по батюшке?

–Егоровича, – откликнулся первым Проныров.

–Ходакова Егора Егоровича, на предмет проверки его «двигателя».

–Что? Так и писать? – спросила Людмила Михайловна.

–Да ты что? Пиши, на возможность, к воспроизводству.

– А на ком, Дмитрий Владимирович, проверять будем? – снова заалела секретарь.

– Тебе и поручим, – ответил Трехглавый, – Наташка, она еще молодая, неопытная. Опять же депутат, лицо неприкосновенное. А ты у нас, женщина цветущая, как яблочко наливное. Ты у нас Людмила, одна на всю деревню Указ выполнишь.

– Я это, – тяжело задышала, от открывшихся перспектив Людмила Михайловна, – я конечно, как скажете. Но ведь женатая я, детишек трое.

– А то мы не знаем. Хорошо, что трое, значит дело тебе, это привычное. А муж? Ну что муж? Он ведь у нас член партии «Ядро»?

– А как же? Уже три года, – ответила секретарь.

– Тогда будем считать это партийным поручением. Как следует, Ходка проверь. А мужу объясни, да я и сам еще зайду, что он, как член бюро нашего местного отделения партии, обязан понимать всю глубину и серьезность поручения в текущем моменте. А текущий момент, это любыми доступными мерами и средствами выполнить указы президента.

8

– Надеюсь, поймет, Дмитрий Владимирович, – заверила председателя секретарь, – он любит партию и предан ей. Он ночами программные документы читает. Уйдет в другую

комнату и читает. А то оденет наушники и президента в записи слушает. У него все его выступления есть. А она не заразная?

– Кто? – в несколько голосов проговорили депутаты.

– Радиация, – озабоченно сказала Людмила Михайловна, – а то потом как я объясню мужу.

– Если б заразная была, мы бы давно в списке территорий пострадавших от радиации были, – заметил председательствующий, – компенсации бы получали. А насчет заразы, так скольким уже Ходоков, дозу своей «радиации» впрыснул, и ничего. Вон только хороводы водят.

– Я готова с честью и достойно, выполнить поручение партии, – торжественно сказала, вытянув руки по швам, Людмила Михайловна, – если не справлюсь. То пусть на меня падет презрение членов нашей партии и позор исключения из ее сплоченных рядов!

– Не торопись, погоди, Людмила Михайловна, – остановил секретаря Трехглавый, – заседание еще не закончилось. Кто протокол вести будет?

Выдохнув тяжело, с грустным выражением лица, секретарь присела на свое место.

– Продолжаем. Об озвученном, на мой взгляд, правильном предложении о возвращении молодежи, – сказал, с сочувствием посмотрев на Людмилу Михайловну, Дмитрий Владимирович,

– да, действительно, надо создавать условия.

– Тут думать надо, – сказал Геннадий Андреевич.

– А чего думать? – подпрыгнул на стуле Владимир Владимирович, – внуков прописать у себя и дело с концом.

– Голова, – похвалил его Трехглавый, – не зря в «жертвах» числишься.

– Не пью же, – скромно потупил взгляд, потерпевший от реформ, депутат Лигачев.

– Людмила Михайловна, – обратился председатель к секретарю.

Она испуганно вздрогнула. Так как, все это время она отчужденно смотрела в одну точку, перебирая в голове известные ей случаи, влияния радиации на организм.

– Занесите в протокол, – покачал головой Трехглавый, оценив ее состояние, как готовую к самопожертвованию натуре, – берем на себя обязательства по поднятию коэффициента рождаемости до двух, а не как в указе, один и семь. Правильно? Принимаем, господа!

Депутаты, привычные к принятию обязательств и не отвечающие за их выполнение, единогласно проголосовали.

– Благодарю за понимание. Переходим ко второму вопросу повестки дня. Это у нас, дорогие коллеги, здравоохранение.

– Есть в нем радиация, нет, черт с ней, как будет, так и будет, – думала в этот момент секретарь, – не отказываться же от партийного поручения, такого ответственного. Не каждый день меня и выдвигают. А в таком выдающемся случае

и потерпеть можно, тем более, съезд партии на носу, мужа вообще не увижу, – решила она и стала, присоединилась к обсуждению.

– С этим – то у нас, все хорошо. Пока бабка Трояна жива, дай бог, ей здоровья, здравоохранение в нашем сельском поселение, лучшее в области по показателям.

– Сделать доступными медицинские учреждения, оказывающие первую помощь, – громким голосом перебил ее Трехглавый.

– Вот с этим как раз проблемы есть. Бабка не успевает на всех отвары варить, а у фельдшерки один пирамидон от всех хворей, – высказался Геннадий Андреевич, – так, что доступность у нас буксует.

Дмитрий Владимирович, одарил его испепеляющим взглядом.

–А чего ты на меня, напалмом сверкаешь? – отреагировал бывший первый тесть, – полчаса прошло, так что я снова в правах, – а Трояне, скороварку надо купить самую большую. Чтоб заварганила так, чтоб на всех хватало.

–Правильно он говорит. Много она в своем чугунке наварит, – поддержали его, другие депутаты.

– Ставлю вопрос на голосование, – остановил гомон Трехглавый, – кто за данное предложение?

Ага. Значит семь «за» двое «воздержались».

–А что это вы с Проныровым воздержались? – спросил его Владимир Владимирович, – поперек указа идете?

– Всемерно поддерживая указ нашего президента, – ответил значимо Дмитрий Владимирович, – я еще, как человек, отвечающий за расходование бюджета, которого у нас и так в обрез.

– Только – только на зарплату. А тут еще и незапланированные расходы. В какую строку эти расходы записать?

– Во, дает! Девой непорочной, прикидывается, не знает куда списать. Да если бы ты не знал, давно бы уже колымскую тайгу прореживал, – засмеялся Геннадий Андреевич, – а куда дареную косметику жене, да подружкам, на восьмое марта списал, туда и это списывай.

– А куда списал? – поинтересовался «жертва реформ».

– А ты не знал? На ремонт фасада клуба, добавил краски и штукатурки. Кто разбираться будет, что в банке пудра или гипс?

При этих его словах лица Людмилы Михайловны и Натальи стали наливаясь краской смущения.

– Гениально, – восхитился Владимир Владимирович, – но я думаю, что можно еще фонд зарплаты уменьшить, за счет сокращения штатов администрации.

– Этого ни в коем случае нельзя делать, – возмутился Проньров, чувствуя в словах Лигачева, посягательство на свое благополучие, – останемся без квалифицированных кадров. Их сразу переманят в другие муниципальные образования.

– Ну, скажи, кому вы нужны? – не согласился с ним Ан-

дреевич, – вспомни, как начальнику отдела землеустройства, после сокращения работу искали? Три года искали, никому не нужен. Еле – еле, пристроили на кладбище, и то, пригрозив директору, что хоронить запретим, если он могилы не будет мерить. А иначе куда? Ну, еще можно на Запад с доплатой отправить, пусть там экономику разваливают, все какая ни какая польза.

– Это частное мнение, – перебил его Трехглавый, – и наш дорогой президент, четко и ясно ответил на этот вопрос. Он сказал, что чиновники, безусловно, достойны этих и еще более высоких зарплат, потому, как заменить их не кем, так как они самые умные, самые востребованные, и поэтому самые дорогие. И только с достойной оценкой их труда направленного на свое и страны благо, она достигнет расцвета, а народ прожиточного минимума, которого будет вполне достаточно для комфортного существования.

После озвучивания слов Президента все замолчали, переживая в душе трепетную дрожь.

– Вижу, вникли, – оценил состояние депутатов Трехглавый, – идем дальше по повестке. А дальше, вопрос централизованного водоснабжения, – заглянул он в повестку собрания, – это у нас уже века два, как свершилось. Колодец у нас один, вырыт он в центре деревни, так что каждый имеет к нему равный доступ. Людмила Михайловна. Отметьте: наше сельское поселение центральным водоснабжением обеспечено. Идем дальше. А дальше у нас вопрос – здорового обра-

за жизни, обозначенному в указе сокращенно как «ЗОЖ». Тут господа или товарищи, кто как себя чувствует, в этом вопросе, попрошу вас, собрать всю силу воли, чтобы начать приобщаться к этому, новому, я бы сказал, образу жизни.

–Нет, так не пойдет, – возразил ему Геннадий Андреевич, – силу воли и здоровье в одну кучу сваливать никак нельзя. Здоровье, оно, измеряется давлением, умноженным на прожитые года. А сила воли, например, у женщин, измеряется телесными килограммами. У мужиков, само собой, литрами. Сколько на своих ногах несешь, килограммов или литров, вот как раз столько в тебе силы воли и есть.

–Ты Перельману, не родственник? – спросил у первого тещя Трехглавый, – формулы не хуже его выводишь. Скажи, где это в арифметики написано, что килограммы на литры умножать. Это что будет? Объем, площадь, кубатура? Вы, уважаемый Геннадий Андреевич, депутат или как?

Тут нам ваши формулы, как Ходку радиация. Вы нам предложения давайте, как указ президента выполнить, а не гипотенузу с биссектрисой.

–Первое что я предлагаю, – не успокоился Геннадий Андреевич, – надо сделать так, чтоб население больше времени проводило на свежем воздухе, а не сиднем, перед телевизором. От этих телевизоров одни завихрения в мозгах. То Тарзан, на люксовых лианах к новой обезьяне ускачет, то наоборот, молодая обезьяна от старого орангутанга в бега кинется.

– Предложение хорошее, – одобрил председательствующий.

щий, – но ведь они и на улице, сядут по лавкам и начнут этот зоопарк обсуждать. А в здоровье главное, не помню, кто сказал, главное движение.

10

– Может? – намекнул Проныров, закатывая глаза кверху.

– Его слова я бы не забыл, для руководства это не приемлемо, – ответил Трехглавый.

– Это да, это да, – закивал головой Проныров, и тут его осенила мысль, – а если, шведская ходьба с палками. Пусть на ходу и обсуждают что хотят. И язык занят и ноги шевелятся.

– Молодец, – похвалил его председательствующий, – и бюджету никаких затрат, палок от лыж у нас по чердакам валяется море. Лыжи-то в эту зиму сожгли, когда дрова на зиму не заготовили. На «Газпром» понадеялись, что газ подведут, как обещали. А палки лыжные металлические остались.

С палками решили. Но как население заставить ходить, да еще с палками?

– Я когда изучал демократию Древнего Рима, – задумчиво сказал Владимир Владимирович...

Все, впервые слыша об этом, уставились на него.

– Так вот у них, чтоб людей на центральную площадь согнать, ну там выборы или еще что. Так они быков из загонов выпускали, ну те и гнали народ куда надо.

– Ты смотри, с каких это времен с выборами – то маются, – охнул Геннадий Андреевич, – уже и быков на пляски с

буфетами заменили, и если не дойти такси подгоняют, а все равно проблема с явкой есть.

– Умница вы наша, Владимир Владимирович, – не обращающая внимания на бывшего тестя, расцвел Трехглавый, – много быков не найдем, не в Риме живем все таки, а одного, Борьку, фермерского, привлечем. Он Борька до этого дела, догнать и боднуть, больно охочий.

– Еще как! – подтвердила Людмила Михайловна, – Участкового почти до райцентра гнал, а это ни много ни мало, а тридцать километров без единой остановки.

– А участковый еще впереди себя и мотоцикл с коляской толкал, заглох он у него, бензин закончился, – добавил Геннадий Андреевич, – а разве казенное имущество бросишь? «МЧС ники», еле руки на руле разжали, когда Борьку отогнали.

– Давайте так решим, – предложил председательствующий, – дадим от совета поручение депутату Лигачеву, договориться с фермером на временное пользование быком Борькой. Скажем, на две недели.

– А хватит двух недель? – отозвался депутат, – мы в свое время с пьянством на государственном уровне боролись. И где это государство?

– Ну, Владимир Владимирович, сравнил тоже, елку с ежом, – хмыкнул Геннадий Андреевич.

– Вынужден согласиться, – поддержал скрепя сердцем, своего бывшего тестя Трехглавый, – пример вы привели не

убедительный. А двух недель я думаю, хватит, чтоб результатов добиться и перед районом отчитаться. А вам Геннадий Андреевич, у меня будет отдельное поручение. Вы же с Борькой, вроде как дружите. В воскресенье он вас сильно усталого, – усмехнулся Дмитрий Владимирович, подмигнув депутатам, – даже до дому провожал. Вы сами – то такие кренделя выписывали, что если бы за рога его не держались, точно бы не дошли.

– Ну, определенная симпатия есть, – буркнул на это бывший тесть.

– Вот и поручим вам, каждый день выводить быка в начало улицы, часиков, так, скажем в десять.

Ты ему оттуда всех, покажешь, подтолкнешь, как следует. А дальше я думаю, он сам разберется, кого, куда и с какой скоростью гнать. Ну что ж коллеги, повестка дня в основном исчерпана, спасибо вам за участие, – стал закрывать собрание Трехглавый...

Тут скрипнула входная дверь и в комнате появилась невысокая моложавая женщина.

– Извините за опоздание, – сказала она с порога.

– Знаем, знаем про ваши инициативы, и поэтому извиняем, неугомонная вы наша Валентина Матвеевна, – радушно ответил председательствующий, – повестку дня мы обсудили, думаю, что с решениями нашими вы согласитесь.

– Поддерживаю беспрекословно, – заверила всех Валентина Матвеевна, – но я прошу вас дать мне две минуты, для

важного, я бы сказала, чрезвычайного сообщения.

Депутаты наострили уши, в предвкушении услышать, важное сообщение.

– Валька, ну чего тянешь? – попросила подругу Людмила Михайловна, на что Трехгорный, намекая на панибратское обращение, погрозил ей пальцем.

– Подруга мне позвонила, в Сочах в прошлом году познакомились. Она там служит, – Валентина Матвеевна, подняла взгляд на потолок, – реформа ожидается, оптимизация управления, называется.

11

– От оптимизации здравоохранения, половина врачей разбежалась, – задумчиво проговорил Геннадий Андреевич, – а тут надеются, что чиновники, что ли разбегутся?

– Вряд ли, – ответил он сам себе, – пару лет назад уже сокращали. Помните?

– Еще как, – подтвердила Наталья, – тогда Шарика сократили. А какая ласковая собака была. К сельсовету подойдешь, она хвостом завилает, руки оближет.

– Это она от чиновников научилась. Хвостом виляет, мзду выпрашивает. А руки лижет, чтоб к ним крепче взятки прилипали, – пояснил бывший тесть председателя, – Я, о чем хочу сказать, ничего эта реформа не даст. Шарика сократили, а он каждый день к своей миске ходит, привык к кормушке. Так это собака, она прошения, писать не умеет, так как трудно ей в лапе, ручку держать. Кроме своей сторожевой служ-

бы, ничего не может. А чиновник наш, он сегодня за спорт отвечает, а завтра уже дома строит. Они на все руки у нас, луной, будут руководить, лишь бы от кормушки не оторвали. А кого у нас оптимизировать?

При этих словах все депутаты посмотрели на Пронырова.

Тот, набрав воздуха, с возмущением начал выдыхать, – А я о чем говорю, одни реформы, работать некогда, беспредел сплошной, – но вспомнив, что говорит о власти поправился, – раз приказывают, будем выполнять.

– Штаны не порви, бесценный наш, – иронизировал Геннадий Андреевич.

– Коллеги, я попрошу, – постучал по графину Дмитрий Владимирович, прерывая тишину,

– Не надо забегать вперед. Нормативных документов по поводу реформу мы еще не получали. А текущие вопросы надо решать, к этому нас призывает президент, правительство, и наша партия, в которой большинство из нас состоит, и решать их надо, по мере поступления. Поступит документ, будем думать, а кого сократить, мы всегда найдем. Чего голову забивать, когда надо выполнять принятые сегодня решения. Прошу всех покинуть помещение, так как администрации надо работать. До завтра, господа депутаты. Проныров, задержись.

– Ну чего ты приуныл? – спросил его Трехглавый, когда они остались вдвоем, – сокращение напугало?

– Так, а если, правда?

– И чего, первый раз что ли? Неужели мы не найдем кого сократить?– успокоил его Трехглавый,– вон хоть бабу Машу, уборщицу. А чего, если совсем прижмет, придется тебе, не только языком, но и метлой махнуть. Сможешь?

– Как говориться, когда прижмет, и не так раскорячишься, – повеселел Проныров, – а как насчет доплаты за совместительство?

– На усмотрение руководства, – засмеялся Трехглавый, – будешь двухглавым замом.

–Да хоть трехглавым, – ляпнул, не подумав Проныров.

– А постоянно на место бабы Маши не хочешь? – прищурился, как прицелился Дмитрий Владимирович...

КАНДИДАТ

Емеля достал парадно – выходную рубашку, уже позабывшую, когда ее доставали в последний раз. Снял с вешалки, висевший под ней, единственный в его гардеробе, черный в белый горошек, модный когда – то галстук, под Ильича. Приложил, прикидывая, узел галстука под подбородок, глянул в зеркало, и, рассматривая себя, задумался...

–Смотри ты, позвонила, – вслух сказал он, – видно в душу запал, раз вспомнила. А чего? Мужик я еще пригодный, – похвалил он свое отражение в зеркале. Знакомое, но не так часто разглядываемое.

–Может опять на передачу людей набирает? Так я на любую сгожусь. Лицо – то у меня породистое, коренное, рабо-

че-крестьянское, такое с любой стороны снимай, никакого изъяна. Такие «фейсы», как у меня сейчас в серьезном дефиците. На экранах сейчас все больше филейные части в почете, лиц-то мало показывают. А когда и покажут, то уже трудно разобрать лицо это спереди или оголенная часть сзади? На вопросы еле отвечают, перед тем как ответить, языком по губам водят, силикон, туда вдутый разглаживая. Одним словом бомонд, где что ни прыщик, то звезда. Одни денег у папаша с мамашей выпросили, чтоб в эту шайку заскочить, другие добровольно, через жертвы постельные. Оттого, и не понимаешь, чего они на экранах делают? Петь начнут, ни хрена, ни разобрать. Танцевать станут, как куклы на ниточках дергаются. Наряжены, так, что где мужик, где баба, определяешь только по голосам, хотя тут тоже, неточности возникают. Некоторые мужские особи, воют так, что бабы позазавидуют. Пугают их что ли, перед выходом?

Вот раньше песни были. А исполнители? Выйдет русская красавица запоет, и прелестно и понятно.

– Емелями да Марьями, гордилась ты всегда, – замурлыкал он себе под нос мотив популярной песни, сменив Ивана на Емелю, разглядывая при этом черный галстук с белыми горошинами.

– И чего я его разглядываю? – озарила его мысль, – все равно другого-то у меня нет. И тот, бывшая жена купила, на первую годовщину свадьбы, объяснив затраты на него тем, что у каждого мужика, должен быть галстук.

– Не знаю, как у всех мужиков, – подумалось Емеле, – а у женатых, прямо со свадьбы удавка начинает на шее болтаться. Расписались, завязала узел своей крепкой женской рукой, так и пошла жизнь. С покупкой галстука, двое на шее висли, пока с одной удавкой не расстался, развелся. А на галстуке узел, как завязала, так с тех пор и не развязывался. Но я – то не против, висел бы себе в шкафу и висел, – ласково провел, он пальцами, по шелковому, тугому узлу.

– Чего звонила – то все-таки? – вернулся он к будням, доставая из шкафа уютг, с наполовину замотанным синей изолентой шнуром, – и встретиться хочет не на студии, а в конторе какой – то.

А адрес – то, я куда засунул, – Емелю, от потери бумажки с адресом охватил ужас. Он хлопнул слегка себя по лбу уютгом, поставил его на стол, и стал суетливо шарить по карманам.

– Неужели потерял? Ворона беспамятная. Олух. Растяпа. Сходил, называется, – со срывающимися с губ словами, он обежал всю свою однокомнатную квартиру, заглянул во все уголки. Вытряхнул на пол кухни мусорное ведро, перебрал весь мусор, найдя в нем только одну бумажку, этикетку от банки килек, с чарующей надписью «обжаренная в Крыму». От безрезультатности поисков на лбу выступила испарина, тело объела усталость. Емеля в состоянии безысходности, опустился на табуретку.

– Вот куда засунул? Черт, совсем из памяти выпало. Так,

Емеля, давай назад крутить, – приговаривал он сам себе, – звонила? Ну, что ж я придумал? Конечно, звонила. Записывал? Конечно, записывал, – тут он вспомнил и стукнул себя ладошкой по лбу, побежал в туалет. Там, на полке над унитазом, на куске туалетной бумаги, синим карандашом, было накалякано: Медведева 5, помещение 13. В 15-00.

– Хорошо, что не приперло, а то смысл бы все перспективы, – радостно охнул он, осторожно отрывая от рулона, полосу бумаги с записью, – Припрет, так некогда бумагу разглядывать, – добавил он, опуская ценную запись в карман, – чего я сразу – то не догадался. Ну, на чем еще я мог записать?

И уже в приподнятом настроении, он слегка погладил рубашку. Снял с себя и тоже погладил брюки. Надев все, оценил себя в зеркале. Оставшись довольным увиденным, взглянул на часы.

Стрелки, нависнув одна над другой, показывали полдень.

– Медведева, это же тьфу, пару кварталов отсюда, – порассуждал он, – может еще в «Не проходите мимо» заскочить? Махнуть полтишок для храбрости?

2

Он достал из кармана брюк пару смятых сторублевок, пересчитал мелочь.

– Двадцатое сегодня, – прикинул он, – на бирже пособие еще через неделю, – огорчила его пришедшая мысль, – вот о чем тоже думают? Как безработному жить? Работу предлагают, мигранты и то носы воротят. А у меня в трудовой, как

ни как, одних специальностей, штук пятнадцать зафиксировано, да, благодарностей за ударный труд, целых две штуки. В начальниках и то, походил, – вспомнил он месяц трудовой деятельности в его биографии, когда он был бригадиром грузчиков в магазине. Крепкая рабочая косточка, мосол, даже можно сказать.

Смотрят они на это? Да ни хрена. За три месяца, один раз предложили, более менее путную работу, учеником бармена в придорожном кафе. Место хорошее, жирное. Недолив, утряска, усушка, бой стеклотары. Но конкуренция! Никто ведь не предупредил, что надо ухо держать востро. Вот этот шkodник и воспользовался. Меня на «можешь не можешь» купил. Не поддался бы, может до сих пор бы еще работал, в бармены бы уже выбился.

Емеля мечтательно причмокнул губами, вспомнив, как на вопрос бармена, – А литру за раз, засосешь? Он согласно кивнул головой, и присосался к горлышку бутылки. Как утром очнулся в придорожной пыли, с приклеенной на лбу бумагой, где над печатью администрации кафе, стояло категорическое «В трудоустройстве отказано».

– На производстве два раза в месяц, получка, аванец. А тут, раз в месяц слезу капнут, не жажду утолить, не напиться. Вот жизнь пошла, вертись сам, никто не позаботится. Но думать надо. Как говорить, на том свете не нальют, надо на этом с этим делом не пролететь.

Вот чего звонила? – опять пришла мысль про звонок, де-

вицы с телевидения, – зовет куда – то непонятно. Нет, ну на передачу хотела пригласить, так бы и сказала, чего здесь темнить. Военная тайна какая. Так нет, начала мудрить, – Емельян Спиридонович, уважаемый. Зная вас, как исключительно отзывчивого и ответственного товарища, приглашаем вас, к нам офис. Попьем чайку, побеседуем. Я, надеюсь, вы не против, Емельян Спиридонович?

– На передаче, опять посидеть что-ли? – сообразил он спросить в ответ, – места есть свободные. А тема какая?

– А вы все такой же активный, с первой нашей встречи совсем, я вижу, не изменились. Но это знаете, даже радуется, – засмеялась в трубке Ксения Сорняк, – такие как вы, всегда нужны. Впрочем, подробности при встрече. Вы как работаете?

– В поисках пока, – выдержав короткую паузу, солидно ответил он, – предложения, конечно, есть, но не тороплюсь, жду, чего ни будь посOLIDнее. На абы какое соглашаться не хочется, не пыль на ветру, гегемон все – таки.

– Ну, раз так, позвольте мне самой, выбрать время встречи, – предложила Ксюша.

– До двенадцати я на процедурах, – взбодрившись предложением, выдал Емеля фразу, запавшую ему в память с экрана телевизора, – Пробежка, этот ... Фитнесс, – слово «фитнесс» тоже втерлось ему в память, когда он увидел его на афише, предлагающей заняться им, за немислимые, для его, Емели деньги.

– Следите за фигурой? Это радует. Часиков в пятнадцать, вас устроит?

– Пятнадцать, так пятнадцать. Время – деньги, – намекнул он.

– Обижены не будете, – деловым тоном ответила трубка.

– В назначенное время, как штык, – тем же тоном, отчеканил он.

– Ждем, наш адрес... – продиктовала она.

– Вот чего звонила, – простонав, схватился за голову, начинавшую гудеть от догадок, Емеля, – может это? Может на роль какую, хотят попробовать? А чего? У меня профессий – то жуть. Хоть грузчика, хоть бармена могу изобразить, – от слова «бармен», приятно засосало под ложечкой, напомнив ему, о том, приятном во всех отношениях получасе, который он простоял за барной стойкой придорожного кафе.

– Эх, если б не подлюка этот, жердина приבלатненная, – помянул он в сердцах своего, так и не состоявшегося наставника, до сих пор бы за стойкой стоял. Кому недолив, кому сдачи не добавить, чаевые.... Надо вот такому олуху быть, только в рай попал, и сам себя из него изгнал. Да... зал бы, где упасть, одеяло бы кинул, – он взглянул на часы, было уже без десяти два, – собираться надо.

– Ксюша, как наши дела? – услышала она, когда выждав дозвон, нажала кнопку ответа, – как твой протеже? Не подведет? Созвонилась?

– Все пучком, партайгеноссе, – игриво ответила Ксения, – еще картавый советовал, опираться на обездоленную массу рабочего класса и дремучую толпу крестьянства. С кандидатом переговорила. Согласие на встречу выбила. Скоро буду, начинайте открывать партийные закрома.

– Похвально, похвально, кхе, кхе, – задрезжал смешком мужчина, – с закромами, как обещал после встречи, разбираться будем. К трем, как договорились, жду с кандидатом.

– Яволь, мой генерал, – шутливо закончила разговор Ксюша.

Емельян Спиридонович, надевая сандалии, увидел, что большой палец левой ноги, с давно не стриженным ногтем, нагло вылез из дырки в носке, показывая свою голую беззащитность.

Чертыхнувшись, он быстро поменял носки, загнув прореху, под мизинец правой ноги. Теперь все выглядело прилично, и в высшей степени достойно.

– В твою, небесную канцелярию, – остановил его окрик, когда он уже отошел метров сто от подъезда, – куда это мы такие красивые намылились?

Емеля, по любимой присказке и по голосу, сразу понял, кто его остановил. Он с неохотой повернулся и стал ожидать, идущего к нему Мурзика.

Того, вообще – то звали Михаилом, работал он дворником на прилегающей территории. За торчавшие в разные сторо-

ны, вверх и вниз, в каком – то своем неповторимом разбеге по обеим сторонам лица, реденькие усишки, делавшее его сморщенное с прищуром глаз лицо, похожим на кота, прозвали его Мурзиком.

– Некогда мне тут с тобой, разговоры разговаривать, видишь же, тороплюсь, – ответил, собираясь двигаться дальше Емеля.

– Что торопишься, тут и слепому понятно, шлепки твои на асфальте, чуть ли не «танец с саблями» исполняют, – вздернул в улыбке кончики усиков Мишка, – А ты думаешь, я не спешу? Я тоже на явку тороплюсь, там Люминий, проставляться будет.

«Явкой», мужики близлежащих домов, в целях конспирации от жен, называли забегаловку, под манящей вывеской «Не проходите мимо».

– А с чего это Люминий, гуляет? Пенсию, что ли, досрочную выбил? – заинтересовался Емеля.

–Ему по новому Указу, пенсия, как светлое будущее, может только сниться, – пояснил Мишка, – а проставляется он, по случаю получения грамоты. Как житель нашего района, внесший огромный вклад в экологическую безопасность данной территории.

–С каких это..., – хотел покрепче выразиться Емеля, но вспомнив куда идет, решил воздержаться от более точного и понятного определения, – с каких это высоких гор, на него такая почетная бумага свалилась? Может ты, Мурзик, чтоб

на халяву выпить у себя в ЖЭУ похлопотал?

– Я, конечно, не спорю, я мужик уважаемый, заслуженный дворник, так скажем. В конторе у себя, определенный вес имею, одних этих грамот у меня, как бигуди на бабе, в комодке цельный ящик занимают. Но вот, что я тебе скажу. Из-за Люминия, я бы напрягаться не стал, – ответил тот.

– Да ты чего? Ты же с ним в корешах ходишь? – удивился ответу Емеля.

– Ворюга он, – отозвался Мурзик, – на прошлой неделе, он у меня все банки, что я ему на сдачу приготовил, сплющенные в пакете. Вот смотри, – задрал Мишка ногу, показывая стоптанный до «нуля» каблук, – скомуниздил. За мои банки, наверное, и грамоту получил. Как же больше всех собрал. Вот и иду, чтоб хоть утрату компенсировать. На пару пузырей точно банок было.

–Оттого он и Люминий, что носом чует Алюминий, – скаламбурил Емеля, – теперь с грамотой, он имеет право на «ветерана труда». А там льгот выше крыши, вплоть до замены всех зубов и жующей челюсти. Резцы вставляют титановые, чтоб коренья там, траву, могли перетирать. Не хуже чем у бобров. К пенсии готовят, чтоб значит, на подножный корм.

–Ты, Емеля, пельмени мне не лепи, какие, на хрен льготы? Какой такой ветеран? Эти бумажки, только место в комодке занимать, больше никому не нужны. Я два раза продать их хотел, оптом за бутылку. И что? Под лупой посмотрят, говорят, артефактом не является, подожди лет сто, тогда купим.

– Чудак ты человек, потереть, потоптаться на них надо, – посоветовал Мишке Емеля, – с Васьки, с соратника своего по труду пример бери. Он рукавицы свои дранные, в прошлом году,

антиквариату – комуныке, за пять тысяч втюхал.

4

Под бревном, сказал, на Красной площади нашел, не иначе, как Ленин оставил. А вымпел свой

«Лучший дворник – советского дворника», Васька Зюганову отправил наложенным платежом.

Написал, что, мол, расстаюсь, со слезами, но вы Геннадий Андреевич, его более достойны. Тот его за это, и в Кремль пригласил, и в ресторан сводил. А ты, схватил бумаги свои, заслуженные и на базар, кто ж так делает. Ладно, Мурзя, побежал я, – постучал Емеля по стеклу наручных часов.

– Так чего? К Люминию не пойдешь? Не хорошо, друзьями брезговать, – попытался остановить его Мурзик.

– Пойми ты, чудила, некогда мне. Успею, так загляну, – пошел Емеля, ускоряя шаг.

– А бежишь – то куда? Шуку, что ли поймал? – смешно перебирая ногами, поспешил за ним Мурзик.

– Да достали вы меня с этой шукой? С детства только и слышу, – Ну-ка скажи по шучьему велению? А чего пешком идешь, не на печке? А то еще начнут, – вот житуха и тебя. Шепнул и в шоколаде. А шоколад, с тем, в чем живу, только цветом схожий. Задолбали, уже во! – мазнул Емелю ладонью

по горлу.

– Шутками что – ли? Ты же вроде не из интеллигенции? Мне так по барабану, чего там у меня спрашивают? С детства, правда, осадок остался. Батя, бывало, как спросит, – как в школе дела? Так сразу через колено и ремнем. С тех пор, как про дела спросят, сразу по заднице мурашки наперегонки бегать начинают.

– Вот теперь в дворниках и ходишь, – засмеялся Емеля, – задницу в детстве отбили, в кресле сидеть не можешь.

– Ага, а ты в министрах, – остановился Мишка, – с галстука хоть бы паутину стряхнул.

Емеля посмотрел на галстук, смахнул не замеченную дома ниточку паутины, – Ничего, ты обо мне еще услышишь, – бросил он Мурзику, резко ускоряясь вперед.

Тот еще некоторое время смотрел на удаляющуюся спину приятеля, на закинутый, от быстрой ходьбы на плечо, кончик «ленинского» галстука.

– Наше, вам, с прихлопом, – наконец проговорил он, саданув три раза, приплюснутым каблуком по асфальту, – неправильным путем пошел, товарищ. Все верные пути, туда ведут, – развеселился Мишка, повернув в направлении пивбара «Не проходите мимо» с ожидающейся там презентацией главного события района, вручение грамоты Люминию.

Отделавшись от назойливого приятеля, Емеля двигался ускоренным шагом, то и дело, поглядывая на часы. К входу в здание, Медведева 5, он прибежал за пять минут до встречи.

Увидев свое отражение в зеркальной двери парадного входа, Емеля поправил галстук, удовлетворено отметив, что бывшая жена имела глаз – алмаз. Галстук отмерила точно до пряжки ремня. Носок с прорехой, выглядел пристойно. Убедившись в своем достойном виде, он решительно потянул на себя входную дверь. И тут же замер, ослепленный блеском труб турникета, смонтированных так хитро, что он, ничего не понял в их загадочном переплетении.

Покрутив головой в поисках входа в это блестящее сооружение, он в недоумении двинулся в сторону охранника.

Страж этого хромированного великолепия, сидел сбоку от него в стеклянном кубе, что сразу напомнило Емеле, популярное некогда шоу «За стеклом».

– Как он там умещается? – пришла Емеле, первая мысль, при приближении к этому сооружению, – собаке, и то конуру попросторнее ставят.

Узнавать у охранника, еле втиснувшегося своими габарита в стеклянный куб, он не стал, опасаясь неприятности при первом знакомстве. Подойдя к окошку будки, он вежливо поинтересовался,

– Мне бы нужно пройти в тринадцатое помещение. На четырнадцать часов назначено.

– А по мне, так хоть бы и к двум, – гавкнул трубный голос из будки, – в списках на пропуск есть?

– Я не знаю, – опешил Емеля, испугавшись препятствия на его пути к перспективам.

– Ф.И.О, – гавкнул страж.

– Чего? – не понял Емеля, оглядываясь на всякий случай, на предмет того, не зовет ли охранник, себе в подспорье сторожевую собаку. Убедившись в отсутствие таковой, переспросил,

– Чего вы говорите?

– Фамилию, имя, отчество? – переспросил охранник.

– Да откуда я знаю. Мне сказали в тринадцатый кабинет, а к кому не сказали.

5

– Ваша фамилия? – высунул голову из окошка охранник, – свою фамилию не забыли?

– Из ума еще не выжил, – ответил Емеля, – чтоб сам себя забыть. Фамилия моя, – тут он нагнулся к охраннику и прошептал фамилию ему на ухо.

– Неужели? – воскликнул тот, – а подтверждение? Паспорт, или иное, какое подтверждение вашей личности, имеется?

– Ага, разбежался. Ты чего меня, совсем за лоха держишь? – покачал указательным пальцем, через стекло, Емеля, лицу охранника, – ты в паспорте данные перепишешь, потом на них кредит возьмешь. А я, потом, кровью писай! Нет, так не пойдет.

– Ты чего, мужик, – громадное тело в будке, стало приподниматься, при этом все стеклянное сооружение, стало тревожно потрескивать, и жалобно попискивать соединениями

в углах.

– Думаешь, не знаю, как это делается?– на всякий случай отошел от турникета Емеля, – у меня сосед, на танцах был «кому за семьдесят», так тоже, фифочка подскочила.

– Мужчинка, – заявляет, – хочу вас на «белый танец» пригласить, но сомневаюсь, а вдруг женатый.

Тот, конечно, паспорт ей в руки, – на, смотри, вдовый. Через месяц коллекторы пришли.

– Давай, – говорят дед, – время пришло проценты собирать. Он, конечно в отказ. Они в ответ ему по почкам. Теперь вот кровью писает и плачет, очередного визита дожидаясь. Так, что паспорт свой, я тебе светить не стану, ищи дураков, в другом месте.

– Сейчас и здесь найду, – грозно ответил охранник, с трудом проталкивая свое тело сквозь узкий выход с будки.

– Да ты чего? Я же просто так. Мне вообще туда не надо. Я вообще про работу пришел узнать. Вот у вас, сторожа не требуются? – затараторил Емеля, внимательно следя за приближением охранника.

– Ты, похоже, совсем охренел. Какие такие сторожа? – остановился обиженно страж турникета,

– У нас охрана. Дипломированная, обученная и лицензированная. К нам люди за пять лет, на работу в очередь записываются.

– А откуда я знал, – прикинулся недотепой Емеля, – я ж думал, как раньше, сторож и сторож, на это – то любой сго-

дится.

–Прыткий ты, – вступил в диалог охранник, – когда это было? Сейчас же смотри, – он вытянул руку и погладил сверкающую сталь турникета, – техника, электроникой управляемая. Чуть кнопку передержал, на открытие или закрытие. Все. Какую. Ремонт за твой счет. Чтоб к нам попасть надо курсы профессиональной подготовки пройти, потом экзамены сдать на лицензию.

– Неужели и экзамены есть? – не поверил Емеля, краем глаза косясь на часы. Стрелки уже образовали острый угол, одна на двенадцати, другая на двух, – а сдавать чего надо?

– Дисциплин изучаем, не меньше, чем в институте, – солидно заверил его охранник, разминая тело, занемевшее в тесной будке, – служба же видишь какая ответственная, – стукнул он по трубе турникета, отозвавшейся на удар одобрительным гулом.

– Может, расскажешь? Интересно же? – попросил его Емеля, крутя в голове, варианты преодоления турникета.

–Да много чему... Долго рассказывать,– ответил страж, – дисциплина, фехтование, танцы, деклара..., -смущенно споткнулся он на слове, – нет, не так. Декламация при кризисном общении, а еще умение сидеть в засадах.

–Иди ты,– искренне удивился услышанному Емеля, – танцы-то с фехтованием вам зачем? Или в выходные на балах да на дуэлях пропадаете, – подмигнул он охраннику, – на чем фехтуете?

– На танцах учат уклоняться. Выверты всякие плясовые преподают. Ну, там когда толпа, камень кинут или в лицо плюнут.

– Смотри, какие тренировки, – притворно поцокал языком, выражая восхищение Емеля, – ну а фехтование зачем, шпаги вроде при тебе нет.

– А это? – охранник вытянул сзади из-за пояса резиновую дубинку, – покруче любой шпаги будет. Вдоль хребта протянуть, мало не покажется.

– А, так вон вы, чем фехтуете, – одобрил Емеля, – согласен, тут тоже без тренировок ни куда. Может все-таки, разрешишь пройти?

– Думаешь, поговорил, я и растаял, – не согласился страж турникета, – больно мне надо из за тебя работу терять. На мое место желающих знаешь сколько? Конкурс, как в МГУ на дипломата.

6

– Догадываюсь, – опустил голову Емеля, – в наше время при каждом воре и то охранник.

– Понятливый, – ухмыльнулся охранник, – сам – то чем промышляешь?

– В поиске пока, – ответил Емеля, – вот иду на собеседование, а ты не пускаешь.

– Никак не могу. Все согласно инструкции. Посторонних на объект ни – ни, – охранник, потерявший к нему интерес, еле протиснулся во входную щель своей будки. Опять

заскрипели, застонали углы, затихнув лишь тогда, когда он расплылся на своем месте.

Емельян Спиридонович посмотрел на часы. Стрелки показывали десять минут третьего.

– Курить можно? – спросил он, у прикрывшего глаза стража турникета.

– Не положено, – открылся в ответ один глаз.

Нервничая от неуступчивого сторожа, ставшего препятствием на пути перспектив, Емеля стал выписывать круги, перед конурой охранника.

– Вас и в засадах, я смотрю, учили сидеть, – спросил он, решив схитрить, – в туалет не тянет? А то можешь сбегать, я пока за тебя посторожу.

– Разбежался, – открылся второй глаз, – даже и не думай. Я в группе всех пересиживал. Ты давай, перед глазами не мельтеши. Собрался курить, иди, покури.

Емеля, мысленно послав охранника в далекие дали, повернулся и направился к выходу. Не успел он пройти пару метров, как в конуре охранника, заверещал телефон. Он прислушался.

– Дежурный по КПП, слушает, – ответил страж, – как вы говорите? Горбачев Емельян Спиридонович?

Смотрю в журнале. Минуточку. У меня такой фамилии на пропуск нет.

– Да я, это, я, – заявил о себе Емеля, возвращаясь назад.

– Таковой здесь имеется, – доложил в трубку страж тур-

никета, услышав его, – но в списках его нет.

– Про меня спрашивают? – поинтересовался у него Емеля, подойдя к будке.

– Сейчас придут за тобой, – ответил тот, – запишу ответственного в журнал, тогда пойдете.

– Можно подумать. Секретное предприятие, – хмыкнул Емеля, – когда я тебе еще сказал, что меня ждут, а ты не верил.

– По инструкции – в журнале нет. Стой и жди, – ответил охранник.

– Емельян Спиридонович! – выбежала к будке, откуда – то из глубин здания Ксения Сорняк, – извините, что заставили ждать. С этим пропускным режимом сплошные проблемы.

– Это у режима с вами проблемы. Никакой дисциплины, – буркнул в ответ охранник, разворачивая журнал, – записывайтесь.

Ксения, быстро чирканула в журнале, и позвала Емелю, – проходите Емельян Спиридонович.

Он выпятил грудь, расправил «ленинский» галстук. Гордо, насколько смог, прошествовал мимо стража, который сидел в своей конуре с довольным выражением лица, как защитник, отстоявший в трудной осаде, свою крепость.

– Не забудьте назад проводить, а то не выпущу, – с сарказмом проговорил он им вслед.

– А я уж вся переволновалась, – сказала она Емеле, когда они шли по длинному коридору, – времени уже вышло, а вас

нет и нет. Думала, что подвела Владимира Владимировича.

– Это, которого? – вспыхнувшая в мозгу догадка, ослепила Емелю, – неужели увижу?

– Да ну что вы, – потянула, притормозившего его, Ксения, – рановато вам еще на такую высоту. Владимир Владимирович, мой шеф, просто полный тезка нашего президента, а фамилия его Ульянов.

– Не пойду, – остановился, решительно закачав головой Емеля, – чувствуя я, от этих тезок, ничего хорошего не будет.

– Емельян Спиридонович, ну что за предрассудки, – стала выговаривать ему девица, – договорились же. А потом, вы тоже ... Главному Российскому бунтарю Емельяну Пугачеву, тезкой приходиться.

– Так только по имени, – возразил Емеля, – а потом, Пугачев – то когда был? Да и знаете, почему меня Емельяном назвали?

– Интересно, почему?

– Родители не могли никак решить, как меня назвать. Решили из сказок. А так как там Иванов, пруд пруди, вот так и стал я Емелей.

– Хорошо не из классиков, быть бы вам, каким ни будь, Митрофанушкой, – пошутила Ксения.

В коридоре стали встречаться люди, с бумагами в руках, входившие и выходившие из помещений.

7

– Далеко еще, до студии? – спросил Емеля.

– В студию хотите, – ответила Ксения, – понимаю. Нет, сегодня мы вас не в студию пригласили. Пригласили мы вас по важному, можно сказать, государственному делу. И идем мы на встречу с

Владимир Владимировичем, в прошлом партийным руководителем, а в недавнем прошлом – депутатом. Сейчас он находится на не менее нужной нашему президенту и государству работе.

– А, какую работу? – шепотом, спросил у нее, Емеля.

Она пострела на него таким взглядом, что он сразу понял, ответа не получит

Ксения остановилась у двери под тринадцатым номером, на которой красовалась красного цвета табличка. На красном фоне чернело «ТПР» большими буквами, и приписанной от руки буквой «у».

– Ну, вот и пришли, – кивнула она на дверь, – сейчас все и узнаете. Ну как? Вы готовы?

Успокаивая, присутствующую в таких случаях, внутреннюю дрожь перед неизвестным явлением, Емеля поправил галстук, мазнул, пригладивая, ладонью по волосам

– Готов. Но перед тем как войти, хотел бы знать, что обозначают эти буквы, – приложил он ладонь к вывеске, – а то неудобно получить. Иду, а не знаю куда.

– Они обозначают «Товарищество пред пенсионеров России, – уважительно произнесла Ксения,

– пока товарищество. После выборов, собираемся преоб-

разовываться в партию.

– А «У», как расшифровывается? – спросил Емеля, – вместе – то получается «ТПРу» вроде как, лошадь останавливают.

– Тот, кто приписал, нашу деятельность остановить и хочет, – возмущенно ответила Ксения Сорняк, – только наш не остановишь, – повысила она голос, – у нас отличные перспективы, одна из самых лучших программ, о нас знают на самом ...

Ее монолог прервала открывшая дверь комнаты под номером тринадцать с вывеской «ТПРу»

В проеме двери стоял полноватый мужчина, в очках с золотым ободком, с улыбкой во все свои тридцать два зуба защищенных броней металлокерамики.

– Проходите, заждались мы вас, – приветливо отступил он в сторону, протягивая руку.

Пожав Емеле руку, он рукой показал на один из стульев, обнимающих спинками продолговатый стол. Подождал пока пришедший, займет указанное место, и уселся в солидное кожаное кресло под большой панорамной фотографией. На фото улыбающийся президент пожимал руку женщине, а из окружающей их толпы, к президенту тянулись другие руки, надеясь на державное пожатие. Среди жаждущих пожатия лидера, ярко выделялось лицо мужчины, в широко открытом рту, которого белели двумя ровными рядами зубы.

– Я думаю, это вы. Ну, вот этот мужик с зубами, как у

вас, – спросил Емеля, показывая на фото.

– Ну, конечно же. Это наш уважаемый Владимир Владимирович, который вместе с нашим дорогим президентом совершает одну из рабочих поездок по стране, – ответила за хозяина кабинета Ксения.

– Соглашусь, что фото, не самого лучшего качества. Запечатлен, так сказать, один из рабочих моментов. Но я вот, чтоб никаких сомнений по этому поводу не возникало, – Владимир Владимирович, – открыл ящик стола и положил перед Емелей толстую папку, – провел экспертизу, подлинности фото и моего присутствия на нем. По лицу, по зубам и по структуре волос на вытянутой руке, эксперты дали однозначное заключение. На фотографии я.

– Да я вас сразу признал, – согласился с хозяином кабинета и заключением экспертов, Емеля.

– Не сомневался, – весело ответил мужчина, – вы Ксюша, тоже присаживайтесь, давайте знакомиться, – Мильтонов Владимир Владимирович.

– Горбачев Емельян Спиридонович, – привстал со стула Емеля.

– С Ксюшей, вы знакомы Емельян Спиридонович, так что, представлять ее, нет надобности, – сказал Владимир Владимирович, – поэтому мы сразу, как говориться, будем брать быка за рога.

Итак, – любезный Емельян Спиридонович, – потирая ладонь о ладонь, – продолжил он, – мы с вами, стоим сейчас

на пороге великих дел, гигантских свершений, я бы сказал.

– Не говорит, прямо золотом сыплет, – пришла Емеле в голову мысль.

– Но как говаривали раньше, членам партии, пока не буду уточнять какой, любые задачи по плечу.

И реки развернуть и горы перешагнуть. А если это потребуется то и представить свой народ, своих избирателей, во всех органах власти. Правильно я говорю, Емельян Спиридонович?

8

Тот, понимая, что надо отвечать на поставленный вопрос, не понимая о чем идет речь, вопросительно, посмотрел на Ксению.

Та, взмахом приклеенных пушистых ресниц, намекнула, чтоб соглашался.

– Если надо, то надо, тут, конечно без балды, – ответил он, для утвердительности еще и кивнув головой.

– Правильно, – вскочил со стула Владимир Владимирович, – как правильно вы сказали «без балды».

Настоящие слова, произнесенные к месту. Действительно давно пора отбросить эту самую «балду», а вместе с ней все условности, все кастовые предрассудки и начать напрямую формировать власть, депутатский корпус из представителей народа. Они знают настоящую жизнь, без привилегий, персональных машин, самолетов и пенсий. Они, только они, бу-

дут думать о народе, о каждом отдельном гражданине...

Хозяин кабинета, размашистыми шагами, энергично стал ходить вокруг стола. Непрерывно говоря, он не забывал при этом, любоваться собой в огромном зеркале, занимающем стену, напротив стены с фотографией.

Емеля смотрел на Ксению, ожидая увидеть на ее лице хоть какую – то реакцию на этот длительный монолог, но та сидела, отрешенно прикрыв глаза.

– Только с представителями рабочего класса, сельскими тружениками, мы сможем повлиять на состояние экономики, на жизнь простых граждан. Только рука об руку с ними, удастся обратить на благо народа, все те нововведения, которые постигли нас в последнее время. Даже поднятая планка пенсионного возраста, несомненно, должна оздоровить общество. Она выявит всех желающих, продолжать трудиться, и отметет суровой рукой закона тех, кто, дотянув до шестидесяти лет, желает почивать на пенсионных лаврах. Вы, то, Емельян Спиридонович, думаете продолжать работать? – неожиданно задал он вопрос.

– Так я это... Я еще... – замешкался тот с ответом.

– Он всегда готов, – ответила за него, одарив его улыбкой Ксения, – до последней капли своего здоровья.

– В, точно сказала, – соглашаясь, выдохнул из себя Емеля.

– Я всегда знал, что у нас работающий народ, – положил одобрительно руку на его плечо хозяин кабинета, – тем более что работы у нас, можно сказать, без края. Выбирай лю-

бую и работай, работай. В такой удивительной стране. Стране больших возможностей, всегда есть куда приложить свой ум, свои руки. Да удивительная страна: октябрята, пионеры, комсомольцы, коммунисты...

Емеля собрался поправить его, сказать, что той страны с пионерами и прочими уже нет, но Ксения, приложила палец к губам, давая ему знак молчать.

– Я всю эту дорогу прошел от начала до конца, – увлекшись, перешел на свою биографию Владимир Владимирович, – мой отец, в бытность свою вторым секретарем обкома партии, – говорил мне,

– сынок, пендаля я тебя ногой в комнатной тапочке в жизнь дам, а дальше сам. И пошел я, меняя руководящие кресла и кабинеты, по трудной жизненной дороге. Да были времена, помню, певали, шутя, конечно, « в малом думай о Родине, а в большом о себе».

Ксюша открыла глаза, она кхекнула в возмущении, и как схваченная за усики бабочка крыльями, быстро захлопала ресницами.

На ее кхеканье, оратор прикрыл рот ладонью, хихикнул, отняв ладонь, сказал, – понравилась шутка, Емельян Спиридонович? Что тут скажешь, шаловливыми были мы в студенческие годы.

Тот не совсем понимая, в чем смысл сказанного, так как к выступлению особо не прислушивался, все же кивнул головой, соглашаясь, и растянул рот в кривоватой улыбке, стара-

ьясь не показывать пустоту от двух отсутствующих зубов.

– Именно эти слова «раньше думай о Родине, а потом о себе». Великие слова песни, стали девизом всей моей жизни, – удовлетворенный ответом, продолжил хозяин кабинета, усаживаясь в кресло, – куда бы меня, не направлял комсомол, партия, а сегодня наш бессменный, уважаемый лидер, – при этих словах он сделал паузу, подняв глаза к фотографии, делая намек на свою руку,

протянутую к Президенту.

9

– Всегда и во всем в своем дальнейшем служении стране, я следовал этим незабвенным словам.

Ксения, еще раз кхекнула, и хлопнула пушистой завесой глаз.

– Да что это, я все о себе, да о себе, – спохватился Владимир Владимирович, – может вы, Емельян Спиридонович, расскажете о себе?

– Да о себе то, что сказать, – замялся тот, – вот ваша жизнь, руководящая до краев наполнена, а я..., а у меня...

– Ну, ну. Емельян Спиридонович, что же вы за скромничали, – подбодрила его Ксения, – давайте, расскажите о себе. Владимир Владимирович, интересуется ведь, не только из праздного любопытства.

– Так родился, потом школу закончил, армию опять же, отслужил. Работал потом, – выдавил из себя Емеля.

– Значит жизнь свою, без работы не представляете? – на-

мекнул хозяин кабинета.

– Можно и так сказать, – согласился он, – я ходить люблю. На работу и обратно. А вот это время, между прогулками, я как – то не особо люблю.

– Значит у вас творческая натура, – сказал Владимир Владимирович, – любите созерцать.

– Как это? – не понял Емеля.

– Вас не устраивает однообразный труд, вы любите наблюдать, думать. По дороге думаете?

– Это да, – опять согласился Емеля, – всю дорогу в думах.

– А думаете о чем?

– О чем все думают? Как было бы хорошо, например, если бы после школы сразу на пенсию, а потом на работу, или как работу, например, найти такую, чтоб меньше работать, а больше получать, – ответил Емеля.

– С работой мы вам постараемся помочь, – обнадежил его Владимир Владимирович, – а вам до пенсии еще далеко?

– Было немного, так, то я совсем вроде к ней подобрался, – пояснил Емеля, – пятилетку, что до пенсии оставалась, отметил, а тут на тебе, указ с реформой. Теперь добираться, как раку до свистка, да и то, похоже, он, вперед доберется. У нас вон, как, обнулять научились.

– Вы этим мрачным мыслям не поддавайтесь, – вскочил с кресла хозяин кабинета, – знаете же. Все что не делается, к лучшему. Наш незаменимый, он ведь, абы что не подпишет, тем более что перед этим говорил, что пенсионный возраст

не поднимет – он взглянул на фото, – но люди – то с каждым годом все здоровее, все дольше живут. И почему бы им не поработать. Так что тут, дорогой наш Емельян Спиридонович, вынудили обстоятельства, нарушить свое слово.

Емеля взглянул на часы, стрелки стремились образовать прямой угол.

Он обреченно вздохнул в ответ на слова Владимир Владимировича, выражая свою гражданскую покорность.

– Так вы звали – то чего? – спросил.

– Вы вывеску на дверях кабинета прочли? – вопросом на вопрос ответил Владимир Владимирович.

– Прочел. Я еще Ксении сказал, что букву «у» надо убрать, а то читается «ТПРу» вроде, как лошадь тормозишь.

– Вот такие наблюдательные люди нам нужны, – положил ему на плечо руку, хозяин кабинета, – такие вот. Неравнодушные люди, готовые реагировать на все негативные проявления в нашей действительности.

– Да я же ничего, – подскочил Емеля, – я же только сказал, что, если все прочитать, так как есть.

– И хорошо сделали, что сказали, – успокоил его Владимир Владимирович, – я одного не могу понять. Как вы заметили, а Ксения, сотню раз за день порхающая туда – сюда, не обратила на это внимание. А?

Ксения зардевшись, как заря перед восходом солнца, опустила голову.

– Исправить немедленно, – сказал хозяин кабине, возвра-

щаяся в свое кресло, – исправить и доложить.

Тотчас же, ласточкой, Ксюша выпорхнула за дверь.

– У меня к тебе, Емельян. Ничего, что на ты? – оставшись вдвоем, обратился к Емеле, Владимир Владимирович.

– Так даже лучше, привычней, – одобрил тот.

10

– Меня тоже можешь на ты. Наедине, конечно. При народе, только официально. Согласен?

– Без балды, – кивнул Емеля головой.

– Понимаешь. Задание у меня, оттуда, – кивнул на фото хозяин кабинета, – нашу организацию, товарищество наше, конкретно засветить на предстоящих выборах.

– Как это засветить? – уточнил Емеля.

– Чтоб все узнали о нашей организации предпенсионеров. Что поняли, что есть в нашем городе, такое общество, влияющая сила, а не просто вывеска на кабинете. Надо показать всем, что мы действительно работаем, защищаем предпенсионеров. Вот ты, например, до сегодняшнего дня, слышал о нашем обществе?

– Нет, – честно признался Емеля.

– Безобразие, согласен? Ты предпенсионер, а об организации объединяющей таких как ты, не слышал. А должно быть по – другому. Должен не только ты слышать, но и твои знакомые, вся округа должна о ней знать. Это ты понимаешь?

– Конечно, понимаю, – согласился Емеля.

– Друзей – то у тебя, я думаю много?

– Этого добра, как грязи. На улицу нельзя выйти, проходу не дают.

– Вот видишь, – обрадовался ответу Емели, Владимир Владимирович, – а я что говорю? Ты именно тот человек, который поможет нашей организации выйти из начального состояния. Вырасти, так сказать, из эмбриона в полноценную личность. От друзей не отворачивайся, береги их. Друзья они, как говорится, на дороге не валяются.

– Мои запросто, – сказал Емеля, – а это, – он потер пальцем о палец, – чтоб друзей – то сберечь?

– С этим поможем, фонды нам на это выделены, – заверил его Владимир Владимирович, одарив фото, верноподанным взглядом, как бы благодаря, за оказанную поддержку.

Дверь кабинета открылась. Вошла Ксения, и с порога доложила о выполнении задания.

– Хвалю за оперативность, присаживайся, – похвалил свою сотрудницу председатель товарищества «ТПР» теперь уже без «У», – мне надо выйти, а ты пока, прими, как положено, товарища Горбачева в члены нашего товарищества. Смотри, как здорово, «товарища в товарищество», ты Ксения запомни, а лучше запиши.

Оставшись в кабинете вдвоем, Ксения взяла со стола Владимир Владимировича папку, с большими красными буквами «ТПР» на обложке, и почему – то с изображением серпа и молота под ними. Открыла. Достала из нее листок, и поло-

жила его перед Емелей.

– Заполните, Емельян Спиридонович, – попросила она.

– Анкета – заявление, – прочитал заголовок вверху листа Емеля.

– Куда само донос писать, – поинтересовался он.

– Это не само донос, как вы выразились, а заявление на вступление в наше товарищество,

– пояснила Ксения, – вы же не против, оказать посильную помощь обществу.

– Это да, – согласился он, – помощь общества, завсегда готов. Только, чего там надо вы сами напишите, а я автограф поставлю, – вернул Емеля, листок.

– Ну что ж, давайте, – взяла Ксения ручку, и начала писать.

Записав фамилию, имя, отчество, она подняла на него глаза, – русский?

– А то, – горделиво ответил он, – из Рюриковичей, можно сказать. Новгородский я.

– Так они же варяги, – улыбнулась ему девица.

– А кто их встречал?

– Ну не будем ворошить историю, – согласилась Ксения, заполняя графу «национальность»,

– семейное положение?

– Я же вам еще тогда говорил, в разводе, – напомнил Емеля.

Дальнейшее заполнение анкеты было прервано появи-

ем Владимира Владимировича.

– Ну что ж, – отдуваясь, бухнулся он в кресло, – поздравляю. С руководством, – глаза его по привычке вздернулись к фото, – все решено. Будем выдвигать вашу кандидатуру на муниципальных выборах. До них у нас еще три месяца, так, что успеваем.

– Да я же, – удивленно охнул новоявленный кандидат.

– Ксюша, что у нас там с семейным положением? – не принимая возражений, продолжил хозяин кабинета.

11

– В разводе он, – ответила Ксения, посмотрев виновато на шефа, будто она виновница развода кандидата с женой.

– Неприятно, – ответил на ее взгляд тот, – семья у нас, как говорится, надежда и оплот, первичная ячейка общества. Неприятно, но не смертельно. Причина развода в чем, Емельян Спиридонович?

– Так я ж дома редко бывал, – подумав секунду, ответил Емеля, – работал, можно сказать, трудовой пот не успевая вытирать. Друзья опять же, за советом постоянно обращались, как ни как, человек семейный, авторитетный. Как с работы иду, навстречу, через одного за советом. Жене, конечно, все это не в нюх. Им бы надо, чтоб при них сидели, да бока их поглаживали.

– Емельян Спиридонович, – кивнул Владимир Владимирович на Ксению.

Емеля прикрыл рот рукой, извиняясь перед дамой, при-

ложил руку к сердцу.

Та кивнула в ответ, принимая извинения, и усмехнувшись, погрозила пальчиком.

– Причина развода, так себе, – продолжил Владимир Владимирович, – сугубо бытовая. Но ничего, мы этот вопрос подработаем, добавим, так сказать «секрет на миллион». Напишем, например, что мешала думать о социальных проблемах. О неравенстве, засилье женщин. Об их неугасимом желание возродить матриархат. Ничего, придумаем, как это все преподать.

– Так – так, и надо, – восторженно воскликнул Емеля, – правильно ведь вы сказали. Придешь, бывало с работы. Усталый, полный дум всяких. Только на диван присядешь, она тут, как тут, ну, словно черт из табакерки. И ни слова не говоря, орать начинает, – опять, Диоген хренов, философствуешь? Диогеном, она меня звала, – пояснил он.

– А почему Диогеном? Философов много, – спросил хозяин кабинета.

–А, наверное, потому, что грек, этот, чокнутый в бочке проживал.

–Ну, вы же, не в бочке живете? – не поняла Ксения.

– Так квартира у меня однокомнатная, жилой площади в ней меньше, чем у бочки Диогеновой,

–пояснил Емеля.

– Нравится вы мне, Емельян Спиридонович, – осмеявшись после его пояснения, сказал Владимир Владимиро-

вич, – я, можно сказать, влюбился в вас.

– Вот этого не надо, – подпрыгнул тот на стуле, – я, как говорится, кроме баб, никаких чудес, по женскому делу практикуюсь, правда, в последнее время с большими перерывами.

Ксения с начальником захохотали.

– Юморист, вы, – вытирая выступившие от смеха слезы, сказал хозяин кабинета, – что у нас там дальше, Ксюша.

– По анкете? – спросила та, – по анкете у нас работа. Что писать? Временно безработный?

– Нет. Безработный не пойдет. Мы же его в депутаты двигаем, значит, должны, просто обязаны трудоустроить. Давайте так напишем. Советник председателя общества по идеологическим вопросам, – решил Владимир Владимирович.

– Вы меня на работу берете? – обрадовался кандидат в депутаты, – да я для вас... – задохнулся он от радости, – я для вас горы сверну, я на дно морское...

– Свертывать мы ничего не будем, – умерил его пыл будущий начальник, – а вот отношение общества к нашей организации перевертывать будем. Кстати, что у вас с идеологией? Знакомы?

– С этим нормалек, – заверил его Емеля, – этот как его ... патриотизм, толерантность опять же,

– его обуяла гордость за последнее без запинки произнесенное слово.

– Ну вот. – радостно хлопнул по столу Владимир Вла-

димирович, – готовый кандидат, к тому же наш сотрудник. Представляешь, Ксюша, какой мы отчет наверх закинем, не отчет – бомба.

– Да сразу взрыв, – поддакнула шефу та.

– Ну, я думаю, основное мы решили, – привстал Владимир Владимирович, – Емельян Спиридонович, заканчивайте с Ксенией оформление бумаг, и завтра с утра прямо, к нам. Ксюша подготовит документы в избирком. Берем подписные листы, и вперед к победе на выборах.

– А что за подписные листы? – поинтересовался Емеля, – сейчас – то их нельзя подписать?

– Надо подписи собрать, – пояснила ему, улыбнувшись, Ксения, по численности избирателей нашего округа, надо сорок человек подписать.

– Надо помогать? Или сами справитесь, – задал вопрос хозяин кабинета, – найдется друзей сорок человек?

12

– Сорок человек? – прикинул в голове Емеля, – так первое дело. В «мимо не пройти» к вечеру не меньше сотни набивается.

– В «мимо не пройти», это что? – спросила Ксения.

– Да это кафе наше «Не проходите мимо» называется, – с уважением к питейному заведению ответил Емеля, – хорошее кафе, мимо пойдете, загляните обязательно.

– Не надо мимо таких заведений ходить, только сразу вовнутрь. Там же весь наш избиратель обретается. Как ска-

зал мой тезка, поднял Владимир Владимирович, глаза к фото, – не этот, а тот Ильич, который, – архи важно, это, товарищи.

– Сделаем, – пообещал Емеля, – мне бы только эти..., – потер он большим и указательным пальцем друг о друга, – ... Тезисы для начала разговора. С ними то, я, корешков своих, куда хочешь, уговорю, хоть на баррикады.

– Все больше вы мне импонируете, Емельян Спиридонович, – похвалил его будущий начальник, – своим азартом, своей хваткой, активностью.

– А с этим, – потер он пальцы, – сейчас решим. Ксения, выдайте моему советнику по идеологии, десять тысяч рублей в виде аванса.

«Советник по идеологии» услышав сумму, схватился за край стола, и застучал по дереву подушечками пальцев, чтоб не передумали.

– Ни фига себе, – вспыхнуло в голове, – перспектива поперла, неожиданно, нежданно.

Ксения достала из своей сумочки две розовых бумажки и протянула Емеле.

– Берите, завтра как придете, оформим и прием на работу, и получение аванса. Не подведете?

– Да ни в жизнь, – вскочил он со стула, беря и засовывая в карман купюры. Засунув, сел, поглаживая ладонью карман с деньгами, ошеломленный случившимся.

– Значит, Емельян Спиридонович, завтра к десяти часам

вы приходите на свое рабочее место, – протянул ему руку начальник, – наметим наши дальнейшие действия и приступим к осуществлению наших, далеко идущих планов. Идет?

– Не идет, а едет, – радостно вскочил, пожимая руку работодателя Емеля, – еще как идет, дорогой Владимир Владимирович!

– До скорого свидания, – протянула узкую ладошку Ксения.

– До завтра, – пожав, ответил он.

Он вышел из помещения под номером тринадцать с вывеской «ТПР», и ускоренным шагом двинулся к выходу, желая поскорей выйти на улицу.

У турникета, хлопая черной дубинкой о ладонь, его остановил охранник.

– Что-то мы вечно спешим.

– Так поспешать домой надо, – ответил Емеля, – встреча закончилась, давай пропускай поскорее.

– А сопровождающий где? – сторож покрутил головой во все стороны, – что-то я его не наблюдаю.

Откуда я узнаю, что встреча только что закончилась? Может она два часа назад закончилась. А ты все это время унитазы откручивал, или другую, какую сантехнику. А может ты бомбу закладывал?

У нас без сопровождающего выйти нельзя.

– А ты позвони, – ответил сторожу Емеля, погладив карман с деньгами. Возвращаться ему ни как не хотелось.

– Раззвонился, – урезонил его охранник, – буду я тебе, электричество на звонки переводить. Сейчас еще тариф дневной, повышенный. А мы за экономию электричества, премии, бывает, получаем.

Емеля, чертыхаясь внутри себя, достал смятую сторублевку.

–Хватит на электричество? – протянул купюру сторожу.

–Это, смотря, как быстро ответят, – сторублевка, мгновенно исчезла в одном из многочисленных кармашков на форме охранника.

–Да ты звони, – напомнил ему Емеля, – быстро придут.

–Да ладно, чего там. Иди так, – отступил в сторону страж турникета, – вижу же в руках ничего нет. А карманы проверят нам пока не велено. Но скоро обещают рамку металлическую поставить, вот там работы прибавиться. Зазвенело, раздевайся. Видишь, мы уже приготовились, – сторож сунул руку в окошко своей конуры, и показал на ладони кучку гаек.

– А гайки – то вам куда? Или не успели рамку поставить, вы уже к ремонту готовитесь?

13

– Это напарник придумал, он у меня голова, – похвалил сослуживца сторож, – бабам будем подкидывать. Я ж тебе говорю, зазвенело, раздевайся на проверку.

Емеля сначала пересек границу турникета, а потом ответил.

– Ты так, скоро Миллера по доходам догонишь. С меня за звонок сотню содрал, а уж за гайку-то постарайся. Бабам перед тобой раздетыми вертеться не в кайф, уж с них – то, как надо слупишь.

– А как иначе? Рыночная же экономика. Всякий товар, должен нести навар. Так, что жить хочешь, вертись.

Из длинного коридора стали слышаться голоса.

– Давай иди, народ работу заканчивает, – поторопил Емелю охранник.

– Тебе в философы надо подаваться, а не здесь торчать, – идя к выходу, сказал тот.

– Чего я там забыл, карман пустой, а голова от мыслей раздутая, – донеслось ему вслед.

Емеля с червоточинкой в душе, занесенной туда ловкостью стража турникета, по изъятию его «сотки», вышел на улицу. Мысли о крупных купюрах в кармане, принесли облегчение.

– Такие деньжищи, – сжал он пятитысячные в кулаке, – в пивняк не пойду, завтра с утра на работу. Не ну надо, как может все измениться. Один звонок, и раз, сразу в дамки. А если еще и с депутатством выгорит. Иэх! – от радужных мыслей перехватило горло, – ведь с утра еще мелочь по карманам шарил, а к вечеру уже ого.

Размышляя о перспективах будущей жизни, он и не заметил, как привычно свернул с главного проспекта на улицу, где располагалась «Не проходите мимо».

– Ты смотри, как лошадь к овсу понесло, – удивился он, когда до кафешки остался квартал, – не, не, вертайте назад, – отдал он приказ ногам, – с такими деньгами домой надо.

Ноги развернулись, с досады оставив на плитке тротуара темный след, от сопротивляющихся повороту подошв, понесли Емеля назад.

Перед тем, как войти в подъезд завернул в «Дульсинею». В продуктовый магазинчик, расположенный в подвале, где весь персонал работников, состоял из одной Дуси – Дульси-неи, хозяйки, продавщицы и просто палочки – выручалочки, в том смысле, что на просьбу, – Дульси, в долг, чего бы по-жрать? Всегда услышишь, – не вопрос. Как только, так сразу. Но обязательно «Дульси», на обращение Дуся, или еще длиннее Евдокия, просящий сразу получал отворот – поворот.

– Емеля, здравствуй, пропажа. Как всегда. В долг? – встретила его вопросом, как только он переступил порог подвала, дородная хозяйка в «ягодичном» возрасте.

– А вот Дульси и не угадала, – засмеялся он в ответ, – перво-наперво должок верну, а потом затарюсь по полной программе. Сразу мне пару наборов давай. В холодильник положу, а то он, у меня ради банки морской капусты, уже неделю молотит. Набор от Дульси-неи, включал в себя, банку килек или бычков в томате, сырка «Янтарь» и буханки ржаного хлеба.

– Пельменей пачку, нет две, – продолжил Емеля, – вот

этих коллекционных из Сибири. Я в Сибири-то на шабашках бывал, – поделился он с Дусей, – и бутылку молока. Нет, лучше кефира, чего-то молоко мне доверия не внушает. Хрен его знает, кого они там доили.

– Так ты от бешеной коровки возьми, – посоветовала хозяйка, кивая на полку со спиртными напитками, нутром торговли чувствуя, что сегодня покупатель при деньгах, – его не доят.

– Никак нельзя. На работу завтра, – солидно отозвался Емеля, укладывая продукты в пакет, – не до ерунды нонче.

– А куда устроился? – поинтересовалась Дуся, разглядывая пятитысячную купюру на просвет.

– Куда надо устроился. Распространяться не велено, – нахмурив брови ответил он, – ну чего ты ее вертишь? Как тебя Мурзик напугал?

С полгода тому назад, к метле «лучшего дворника нашего дворика» прилипла пятитысячная купюра. Удивляться он не стал, так как к его метле еще и не то прилипало. Долго не думаю, он тут же обменял у Дуси купюру на максимальное количество спиртного и минимальное закуски.

После его ухода, в душе хозяйки заворочался червь сомнения. Откуда у дворника, за которого и зарплату в жилищной конторе получает жена, пять тысяч рублей? Размышляя недолго, она закрыла магазин и пошла к подруге, которая работала кассиром в «Магните».

Та даже не рассматривая купюру, сунула ее под нос Дусе,

указав на надпись «банк приколов»

14

– Пролетела ты подруга, мимо кассы, – сказала она, возвращая билет «банка приколов» Дуси.

– Пролетела, говоришь! Ладно, впредь умнее буду, – отвечала ей Дуся, – но он теперь у меня полетает.

– Ты это про кого?

– Да есть тут один, приколист.

И вот уже полгода как, Мурзик, два раза в день, «летает» с метлой по ступенькам, ведущим в подвал, и раз в неделю в позе «прачки» моет полы в помещении магазина, попав в прижизненную отработку прилипшей к метле купюры.

– Вроде настоящая, – закончила разглядывать деньги Дуся. Положив купюру в ящик кассы, начала отсчитывать сдачу.

– Так ты чего и возобновление трудовой деятельности не отметишь? – спросила она, жалея сдачу, собранную в руке.

– Ты меня не провоцируй, ученый уже, – ответил Емеля, забирая сдачу и пакет.

– Ой, ой! Деловой какой, – ответила хозяйка магазина, приподымая доску, отделяющую зал от места продавца, – может, поможешь мне?

– Да я для тебя, Дульси, кормилица ты наша, хоть с топором на танк, – пошутил он в ответ.

Дуся вышла на середину помещения, и слегка приподняв юбку, спросила, – посмотри, пожалуйста, сзади на колготках

стрелок нет?

– Да вроде нет, – присмотрелся Емеля, – а что надо? Так давай утюг.

– Есть, а зачем?

– Снимай колготки, – поставил он на прилавок пакет, – я тебе в две минуты, на них такие стрелки наведу, закачаешься. А если еще с мылом гладянуть, так вообще, хоть брейся.

– Плохо тебе что ли? Скорую вызвать? – испугался он, увидев, как Дуся, беззвучно хлопая губами, замахала руками, показывая, чтоб он выходил.

– Ты чего, Дульси? – забирая пакет, спросил он еще раз, – ну хочешь без мыла? Давай без мыла.

Хозяйка с красным лицом и плотно сжатыми губами, замахала руками еще быстрее.

– Вот чудная, – подумал, поднимаясь из подвала Емеля, – не знает даже, что стрелки с мылом наводят.

На последней ступеньке до него долетел громкий, захлебывающийся на высоких нотах хохот Дуся...

... Он стоял в окружении людей, тянувших к нему руки. Жажущих, пожать его, крепкую ладонь.

Среди лиц, мелькнуло лицо президента, он дернулся к нему, сзади раздался громовой женский хохот...

Емельян Спиридонович проснулся. Часы показывали пять утра...